

СЛОВО ТЕМ,
КТО СОХРАНЯЛ МУЗЕЙ

1941-1945

А.А. Попов

О ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ГЕРОЯХ И МНИМЫХ

Июнь 1941 года, пригожий жаркий день. Проходя мимо базара, я увидел большую толпу около громкоговорителя. Поинтересовался и я, подошел поближе. Передавалась речь Молотова о войне с Германией. Я скорее побежал домой и рассказал жене. И она, и я, как все население города, были полны патриотизма. Присоединение Латвии, Эстонии и Литвы, как нам внушали, делало наше государство неприступным, а финнов, как говорили, мы «шапками закидаем». Увы, мы и не представляли сколько придется вытерпеть из-за этой проклятой финской войны, и не предполагали, что и в объявленной войне многим из нас не придется дожить до Победы. Если бы нам кто-нибудь тогда сказал, что фашисты подойдут к Ленинграду, его бы сочли предателем.

Увы, наша подготовка к войне оказалась совершенно неудовлетворительной. Приходится удивляться, как только мы победили фашистов. Хаос, неорганизованность царили во всем. А ведь было ясно, что немцы рано или поздно нападут на нас...

Как я помню, день 22 июня был воскресный. Мы позвонили в Институт, там была уже вся дирекция, собирались сотрудники. Мы тоже отправились туда...

В первые же дни войны на меня возложили обязанности заведующего музейными фондами, так как прежний заведующий И.Я.Треногов был призван в армию. Шли слухи об эвакуации Музея. Началась большая и очень сложная работа — надо было все ценное из коллекций уложить в ящики (которые пришлось изготавливать в максимально

*Андрей Александрович Попов,
заведующий Сектором Сибири,
кандидат исторических наук.
Во время блокады принимал
самое активное участие
в охране здания Кунсткамеры
и ее бесценных коллекций.*

короткий срок), спешно запаковать сотни тысяч предметов. И мы все, не покладая рук, трудились днем и ночью. Надо сказать, к чести нашего коллектива, все трудились самоотверженно, и ради спасения тех ценностей, которые доверила им наука, не жалели ни сил, ни здоровья, ни жизни, что и произошло впоследствии. Правда, были среди нас и паникеры, но их, к счастью, оказалось всего трое, и среди них старый партийный работник с дореволюционным стажем, имевший в прошлом, как говорили, большие заслуги. Она металась, как угорелая, по Музею, всюду шептала, что немцы войдут в Ленинград, армия их не удержит. И при первой же возможности покинула Институт, эвакуировалась в тыл, чтобы после войны вернуться обратно, занять свое прежнее место и пользоваться уважением, каким пользовалась до войны. Мы же тогда смотрели на таких людей, как на дезертиров.

Вскоре начались изнурительные работы, связанные с обороной Музея. В них принимали участие все, не исключая больных. Мы красили суперфосфатом стропила крыши, таскали по этажам песок, воду, инструменты. Руководил работами весьма бестолковый товарищ. Бывало, заставлял нас носить ведрами песок на третий этаж или на чердак, а на другой день этот же песок надо было переносить в другое место. Мы ворчали по этому поводу, но никому не приходило в голову протестовать, знали, что, в конечном счете, все делалось в общих интересах и прежде всего для сохранения всем нам дорогих ценностей. Удивляло другое. Многие учреждения эвакуировались. Какой-нибудь второстепенный театр не только вывозил сотрудников, но и занимал вагоны малоценной бутафорией. А о мировых ценностях нашего Музея никто вроде как и не думал.

Из руководства Академии наук мало кто остался в городе. Почти все академики и члены-корреспонденты в первые же месяцы войны покинули Ленинград. Осталось несколько человек, в том числе И.А. Орбели, И.Ю. Крачковский и А.И. Тюменев. Особо хочу сказать о С.А. Жебелеве. Не в пример многим, он был настолько скромн, что вместе со всеми нами стоял в очереди за дрожжевым супом — единственным блюдом без карточек, которым обеспечивала нас столовая. Этот мужественный человек стал, к сожалению, одной из первых жертв голода. Некоторые академики, как И.А. Орбели, И.И. Мещанинов и другие, не хотели покидать Ленинград, но их заставили выехать из города.

Я совсем не хочу сказать, что академики и члены-корреспонденты должны были умирать в Ленинграде. Очень хорошо, что их спасли. Но нас, попавших в тиски блокады, удручало, что многие из них не проявили ни малейшей заботы об оставшихся в осажденном городе. А

когда в самый тяжелый период некоторые из сотрудников Академии обратились в Василеостровский райком партии за помощью, один из руководителей ответил: «Мы всех крупных научных работников вывезли, остались, очевидно, малоценные, пусть выкарабкиваются сами». Я не пытался узнать имя этого прохвоста. Бог с ним. Вина не его, а тех, кто в этот тяжелый момент доверил судьбу людей таким вот «руководителям». Вероятно, он здравствует и теперь и как житель осажденного Ленинграда занимает какой-нибудь руководящий пост, имеет награды.

С первых же дней войны начались круглосуточные дежурства в Музее. Жили мы еще на квартирах и приходили дежурить из дома. Меня с женой устроили так, что когда я дежурю, она дома, когда она дежурит, — я дома. Мы почти перестали встречаться. Естественно, нам хотелось свободное от дежурств и других обязанностей время проводить вместе. И я, по простоте душевной, пошел к директору (директором в то время был И.Н. Винников. — *Ред.*) просить назначить нас обоих дежурить в одно и то же время. Однако директор сердито бросил в ответ: «Недопустимо в военное время разводить семейственность». О, если бы он руководствовался этим правилом в отношении самого себя!

Но мы недолго переживали отказ директора. Вскоре всех мужчин перевели на казарменное положение, и мы должны были днем и ночью безотлучно находиться в Музее. Женщины дежурили через день. Вообще в организации внутреннего распорядка жизнедеятельности Института царили суматоха и бестолковщина. Дирекция больше всего стремилась произвести хорошее впечатление на руководящих работников разных вышестоящих инстанций. Чего только стоила игра в так называемый «патриотизм». Были выделены два «вербовщика» из числа сотрудников Института, которые буквально по пятам ходили за нашими мужчинами, всеми без исключения, уговаривая их идти в добровольцы. Их прельщали званием, пайком, обещанием устроить в военнизированной охране Музея и т.д. Зная, от кого исходят такие медоточивые речи, многие воспринимали их с недоверием. Это была не трусость. Уж не говоря о том, что мы не подходили по возрасту или по каким-то другим причинам, из-за чего нас не призвал военкомат, мы осознавали, что здесь мы нужнее, без нас музейные ценности мирового значения сберечь будет трудно.

Все, не записавшиеся в добровольцы, вынуждены были предстать перед директором. Разговор сопровождался криком и топанием ногами: «Я хочу, чтобы вы записались в добровольцы, вы — дезертиры. Стоит мне только позвонить в военкомат, — и вас всех заберут...». На это я

ему возразил: «Исаак Натанович! Вы на себя такую смелость берете, разве военкомат вам подчиняется? Кроме того, как и на фронте, мы каждый день рискуем своей жизнью, не прячась ни по каким углам».

«Вербовщикам» удалось записать троих сотрудников: один был сердечник, другой имел многолетнюю язву желудка, третий — хромой. Конечно, в военкомате их сразу же забраковали, и они вернулись. Зато наши руководители, вволю наигравшись в «патриотизм», добились того, что в «верхах» стали числиться хорошими организаторами в военное время.

Оставшимся в Музее мужчинам выдали две винтовки и два (?) патрона «на случай прихода немцев» (очевидно, для «защиты» или чтобы «отражать нападение»). Велено было нам собираться по утрам и изучать эти винтовки. Однажды к нам зашел какой-то инструктор (чтобы обучать нас), осмотрел винтовки и изрек: «Да, это неплохие ружья, но когда вы будете стрелять, держите лицо подальше, у них может быть сильная обратная отдача». Мучительно было видеть в такой серьезный момент нашу российскую бестолковость, эту нелепую игру «в оборону».

Худо ли, бедно ли, но к осени мы закончили свертывание экспозиций, составление описей, упаковку коллекций в ящики. Вопрос об эвакуации коллекций был уже снят — враг железным кольцом окружил город. Ящики с коллекциями стояли в залах и кабинетах. Оставлять их там стало опасно из-за участвовавших бомбежек. Я пошел к нашему директору и в присутствии парторга (секретарем парторганизации был С.А. Абрамзон. — *Ред.*) потребовал распорядиться дальнейшей судьбой ценнейших коллекций, хотя бы снести ящики в подвалы нашего здания. Это справедливое требование вызвало шквал возмущений. Вот дословно его слова: «Наплевать на все коллекции, лишь бы самим остаться в живых». Тут я не выдержал и взорвался: «А я придерживаюсь другого мнения, если мы умрем — это полбеда, а если погибнут коллекции — это уже трагедия». Парторг промолчал...

Не добившись ничего, я стал советоваться со своей дорогой Марусенькой, что же делать дальше в таком положении. И вот вместе с Евгенией Эдуардовной Бломквист, в тайне от нашего руководства, они отправились к И.А. Орбели просить помощи. И.А. Орбели в то время был руководителем Ленинградской части Академии наук. И к нему кто-то из наших сотрудников уже обращался с такой же просьбой. Буквально на другой день наша дирекция получила приказание — наиболее ценные коллекции передать на хранение в Эрмитаж (и они были укрыты в подвалах Эрмитажа), остальные перебазировать в подвалы

нашего Музея. Директор вынужден был выполнить это распоряжение. О, если бы он знал, от кого исходила инициатива!

Еще с лета наших сотрудников стали посылать на оборонные работы — рытье окопов на подступах к Ленинграду. Мы думали, будем делать полезное дело, поэтому энтузиазм вначале был большой. Но, как выяснилось впоследствии, те, кто возглавлял мобилизацию, руководствовались не здравым смыслом, а желанием «перещеголять» соседний район в количестве мобилизованных на эти работы. Так, всякие прекрасные порывы можно было испортить полностью. Бывало, мы только мешали, оказывая «медвежью услугу» нашим воинским частям. Я ездил два раза на такие работы. Помню, первый раз пробирались мы целый день по лесу, никто не знал, кто нас послал и где использовать. Ничего не добившись, таким же путем пробирались обратно.

Другой раз нас послали под Лугу. Ехали мы туда с военным инструктором, но и он ничего не знал. Подняв потеряли на то, чтобы найти хоть кого-то, кто указал бы нам, куда идти дальше и что делать. Все от нас отмахивались, всем мы мешали. Наконец, нам выделили красноармейца, и он повел нас. Целые сутки мы блуждали по лесу. Страшно устали. Наконец, вышли на какую-то опушку и решили расположиться на ночлег. В изнеможении попадали на землю, как вдруг из леса вышел какой-то командир и с ходу стал кричать на нас: «Кто такие, откуда, кто вас послал?». Узнав, в чем дело, раскалился еще больше: «Почему нас не предупредили заранее, мы с этой стороны ожидаем немцев! Ваше счастье, что не вошли в лес, мы бы по ошибке вас обстреляли!».

Не помню уж, какими путями мы добрались до места. Рыли противотанковые рвы. Никто нас не охранял, хотя немецкие самолеты по нескольку раз в день пролетали над нами. Летали они очень низко, но не бомбили, хотя другие наши товарищи, ездившие под Псков и в Радофинниково, неоднократно подвергались и бомбежкам, и обстрелам, так что им пришлось бежать оттуда. Потом мы узнали причину, почему нас пощадил. Оказывается, мы делали для них полезное дело. Эти рвы пригодились потом немцам...

Между тем фашисты все ближе подступали к городу. Положение с продовольствием обострилось до крайности. И в то же время нам запрещалось привозить картофель или овощи из пригородов, где мы находились на оборонных работах. Тех, кто привозил с собой мешок картошки или овощей, привлекали к ответу. Так что весь урожай достался немцам. Наши «мудрые» руководители не догадались мобилизовать население города на уборку урожая, хотя положение с продоволь-

ствием было весьма критическим, его еще можно было бы как-то поправить за счет собранных овощей и зерновых. Безобразие творилось повсюду. Взрывали или поджигали продовольственные склады, овощехранилища и т.п. А город в это время голодал. Скучные запасы продовольствия были в основном сосредоточены в одном месте — на Бадаевских складах, но они сгорели...

Жизнь наша становилась все хуже и хуже. Бесперывные налеты изматывали силы. Однажды рано утром развели мосты на Неве и целый день по направлению к Ладожскому озеру проходили военные суда. Мы посчитали, что наши защитники покидают нас. Наблюдать это было больно.

По врагу теперь стреляли зенитки. Нам казалось, что от них мало толку, так как сбитых самолетов было немного, хотя грохот от зениток стоял невероятный. Немецкие самолеты, видимо, мало обращали на них внимания, фашисты с методичной пунктуальностью посылали нам сверху сотни зажигательных снарядов и фугасок. Из некоторых домов во время налетов вылетали пакеты ракет — это орудовали немецкие шпионы, указывая цель самолетам...

Вскоре после моего перебазирования на казарменное положение, в Институт переехала и Маруся. Правда, поселилась она в другом месте — в подвале, выходившем окнами на набережную. Там уже обосновались Л.Э. Каруновская, Л.Б. Панек, С.А. Штернберг, И.Н. Винников с семьей, В.В. Антропова, Е.В. Жиров, Г.И. Смирнов, В.В. Федоров, А.Н. Юзефович и другие.

Подвалы, предназначенные под бомбоубежища, обустраивали мы сами. Помню, приглашенный архитектор указал наиболее «безопасные» места. Таковыми оказались подвалы направо от входа со стороны Таможенного переулка — под вестибюлем и гардеробом. Было оборудовано еще одно бомбоубежище, куда вход вел со стороны набережной. Сюда мог заходить любой прохожий, застигнутый воздушной тревогой. Нам же бомбоубежища практически были не нужны. Как только объявляли сигнал воздушной тревоги, все бежали, не исключая слабых и больных, на свои посты в здании Музея, на чердак или на крышу. А наш директор и я же с ним бежали в бомбоубежище. Бомбоубежище это было обставлено хорошей мебелью, взятой из кабинетов, были даже ковры. Входить в этот «бункер» разрешалось только избранным.

Мы обжили подвалы, когда переселились сюда из квартир. Как-то из своего угла, где находилась моя постель, я, выглянув в окно, неожиданно увидел фашистский самолет. Сброшенная им фугаска упала на набережную. Осколки, влетевшие через окно подвала, врезались в сте-

ну над моей койкой. Если бы я оставался на своем месте — меня бы не было в живых. Я переживал только сам факт — если мне суждено умереть, то почему не рядом с Марусей. Маруся же в это время ковыляла на боевой пост. Особенно тяжело ей давались лестницы. Она задыхалась, ноги отказывались идти. Наблюдая такую картину, Е.В. Жиров не вытерпел: «На кой черт женщин посылают на чердак, разве не видно, что среди них есть больные!». Да, кому следовало видеть — не видели, а кто видел — сделать ничего не мог, хотя внимательно и чутко воспринимал чужие беды. Марусенька же переносила все тяготы со свойственным ей героизмом.

В подвале была установлена плита, на которой мы варили нашу скудную еду. Дрова добывали сами, в основном на дрова разбирались деревянные дома и постройки, их грузили на санки и везли в Институт. Проблема заключалась в другом — что варить на этой плите. Многие хозяйственные люди сразу же после объявления войны начали закупать продукты. Нам, как и большинству сотрудников, это казалось преступлением. В голову не приходило, что придется умирать с голоду. Да нам и не на что было делать закупки, денежных накоплений мы не имели, кроме того считали недопустимым думать о себе в такое тяжелое время.

Отвратительно мерзко стали проявляться хищнические инстинкты у некоторых сотрудников. По нашим понятиям, они катались, как сыр в масле, в то время как мы ломали голову, где раздобыть себе что-либо съестное. Я хорошо помню, как жена директора по административно-хозяйственной части, хотя плакалась, что им голодно, варила целыми котлами картошку и пекла толстые лепешки на масле. А рядом бедная Марусенька варила похлебку из морской капусты или какой-либо другой дряни, которая с трудом шла в горло. Наш директор с семьей питался по тем меркам тоже хорошо, но имел обыкновение интересоваться, чем питаются его сотрудники, заглядывая в кастрюли, стоявшие на плите, и делая, по его мнению, весьма «остроумные» замечания по поводу нашей еды, за которые хотелось дать ему хорошую оплеуху. Так, однажды, заглянув в нашу кастрюлю, он изрек: «У Марии Васильевны весьма утонченный вкус, она варит себе кашу из морской капусты». Какая низость! Я помню, сколько слез после этого его замечания пролила моя милая Маруся. Да мы бы с удовольствием ели продукты, подходящие к его «неуточенному» вкусу, которыми он запасся, по совету своих «высокопоставленных друзей».

Первой жертвой блокады стала Н.П. Дырленкова. Правда, умерла она не от голода, а от воспаления легких. Дежурила на крыше, простуди-

лась, долго болела. Смерть наступила во время сердечного приступа. Случилось это в октябре 1941 года. Умерла она на руках у своего учителя Л.Я. Штернберга. Мы сумели ее похоронить на Волковском кладбище по всем правилам, по-человечески. К сожалению, про остальные жертвы этого сказать нельзя. А сколько их было еще впереди...

В страшные январские дни 1942 года смерть косила наших товарищей почти каждый день. На живых было страшно смотреть — не люди, а тени какие-то. Не хватало сил даже на то, чтобы вывезти трупы на саночках на Пушкинскую площадь, откуда их забирали специальные машины. Трупы складывали в отдельное помещение в здании самого Музея...

А наш директор попал в категорию «ценных научных работников». Хотя он и напускал на себя «значимый» вид, мы-то знали, как усиленно он хлопотал о выезде из Ленинграда. И добился своего. Укатил по Дороге жизни, когда состоялся первый массовый выезд сотрудников Академии наук из осажденного Ленинграда.

Накануне отъезда у меня был разговор с ним с глазу на глаз. «Андрей Александрович, — сказал он, — я считаю, что вы более чем кто-либо можете меня заменить. Я хочу оставить вас вместо себя. Вероятно, скоро придется сокращать сотрудников, и вам надо взять это на себя. Оставьте в институте 2—3 человека». Я взорвался: «Сокращения проводить не буду, так как считаю несправедливым выкидывать людей за борт, обрекая их на верную голодную смерть». На этом наш разговор и окончился. А в итоге — директором был оставлен С.М. Абрамзон.

Я далек от осуждения тех сотрудников, которые, бросив все, эвакуировались из Ленинграда. Плохо то, что многие из них начисто позабыли о наших страданиях и никак не поддерживали нас...

Раздобывать еду становилось все труднее и труднее. Дорогая моя, бедная Марусенька! Для тебя наступили самые страшные дни. Кто бы мог подумать, что в тебе, слабой и больной, было столько героизма и самоотверженности. Ты одна заботилась о пище: стояла в очередях за хлебом (125 г на человека, других продуктов не было). Ходила то к спекулянтам, то на базар покупать или обменивать кое-какие наши вещички на жмыхи или морскую капусту. Помню, однажды ее обманули на базаре. Вместо дуранды она принесла домой мелкие опилки. Но самый страшный случай произошел, когда она ходила менять вещи к знакомым, которые жили на окраине города. Не знаю, что ей удалось выменять, но до дома она ничего не донесла. Прodelав пешком такой длинный путь, на Дворцовом мосту она попала под жестокий обстрел. Чудом спаслась, подробностей не помнила, очевидно, потеряла

сознание. Но когда пришла в себя — видит, лежит в луже крови среди убитых людей. Надо было пережить весь этот кошмар...

Я ничем не мог помочь Марусе. Сперва я еще как-то крепился. С дико распухшими ногами, едва передвигаясь, продолжал исполнять свои обязанности по Музею. Ходил даже в университет, где в нетопленных аудиториях меня ждала маленькая группа студентов, оставшихся при кафедре. Из преподавателей нас было только двое. Но в конце января 1942 года я слег, весь распухший и отекающий, и подняться уже не смог. Мой последний «выход» состоялся в начале января в военкомат, куда я должен был явиться на переучет. Военкомат находился недалеко от нашей квартиры на улице Петра Лаврова. Трамваи не ходили, и мне пришлось от Музея почти два часа добираться до места. Как дошел — не помню. Еще оказалось, что в военкомате полно народу, сесть некуда. Но у меня был такой вид, что место мне уступили сразу. Ждать пришлось долго; когда освободился, понял, что обратно в Музей не дойду. Добрел кое-как до своей квартиры, сел на кухне. Тут меня и нашли соседи. Как отходили — не помню. Помню, пил кипяток и что-то жевал, очевидно, кусочек хлеба, спрятанный Марусей «на всякий случай». И все же поздно вечером поковылял обратно, к Марусе. Едва дополз до своей кровати, просил меня не трогать и больше почти не вставал, только по крайней необходимости...

Весной 1942 года особенно стало заметно, как поредели ряды сотрудников Академии наук, оставшихся в Ленинграде. Погибло их почти три четверти, а многие из них были специалистами, единственными в своей области... (А.А. Попов и М.В. Степанова были эвакуированы из Ленинграда летом 1942 года. — Ред.)

В.В. Федоров

О БЛОКАДНЫХ ДНЯХ, ПЕРЕЖИТЫХ СОТРУДНИКАМИ МАЭ

Василий Васильевич Федоров, научный сотрудник Отдела археологии. Один из авторов постоянной и 5 временных экспозиций. В период блокады продолжал работать в Институте. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».

Трудно вспоминать все то, что пришлось пережить во время блокады. Еще труднее заставить себя говорить или писать. Но не делать этого нельзя, хотя бы во имя тех, кто не дожил до светлого дня Победы.

Июнь 1941 года. Институт и находящийся при нем Музей живут нормальной творческой жизнью. Разрабатываются новые научные планы, идет реорганизация отдельных экспозиций с целью их улучшения (в частности, моего Отдела археологии), исправно ведутся экскурсии и т.д.

И вдруг... 21 июня — конец всем мирным планам, начался новый, непредсказуемый период в нашей жизни.

С первых же дней войны мужчины нашего Института ушли в армию или народное ополчение. Остались только те, кто был негоден к несению воинской службы или кому была дана отсрочка в военкомате. Часть научных сотрудников эвакуировались. На оставшихся легла вся работа по охране Музея и свертыванию экспозиций.

При нашем Музее были организованы штаб МПВО и ряд команд по охране Музея, установлены круглосуточные

дежурства и посты наблюдения, которые находились на чердаках зданий. Мы связали их телефоном со штабом МПВО Музея.

Дежурили в основном женщины. Мужчины, которым была дана отсрочка от военной службы, составили вооруженную дружину. Они находились на казарменном положении и дежурили круглосуточно.

В их обязанности входила охрана здания изнутри и снаружи. Особенно бдительными им приходилось быть по ночам, так как в городе случались диверсии.

Основной же нашей работой в те дни было свертывание музейных экспозиций: наиболее уникальные и ценные экспонаты требовалось отобрать и подготовить к эвакуации, остальные запаковать и укрыть в более надежном месте. Сложностей сразу возникло много: оказалось, что во многих отделах Музея не было списков уникальных предметов, не было упаковочного материала, ящиков и т.д. Ящики пришлось заказывать на стороне, а что касается остального — справились собственными силами, с трудом, но справились. К началу осени 1941 года все работы по свертыванию экспозиций были закончены. Наиболее уникальные и ценные экспонаты, по договоренности, были перенесены в Эрмитаж (в помещение особых кладовых), остальные, тоже уложенные в ящики, были сосредоточены на первом этаже и в подвале МАЭ. Коллекции же, находящиеся в Главных фондах МАЭ (в помещении здания на Таможенном переулке), решили оставить на месте. Здесь был установлен круглосуточный пост.

Я перечислил далеко не все наши обязанности в те тяжелые дни. Много труда и времени заняла маскировка здания, заклейка окон бумажными полосами (считалось, что наклеенные на окна крест-накрест бумажные полосы предохраняют выпадение стекол при сотрясении здания во время бомбежек и артобстрелов), оборудование бомбоубежища и т.д.

У нас функционировало три бомбоубежища: одно для своих сотрудников, два — для тех, кого тревога (обстрел или бомбежка) застала на улицах вблизи МАЭ. Оборудовали эти бомбоубежища в подвале. Наружные окна пришлось заложить кирпичом и заштукатурить. В помещении бомбоубежища снесли стулья и кое-какую мебель. Установили дежурства. Надо сказать, что в первые месяцы войны в бомбоубежище собиралось довольно много народу. Впоследствии, когда участились бомбежки и обстрелы, в подвал был переведен и штаб МПВО Института.

В связи с приближением фронта к Ленинграду, группе наших сотрудников вместе с сотрудниками других академических учреждений пришлось выезжать в разные районы на подступах к городу, где они рыли противотанковые окопы. Случалось, это было совсем недалеко от линии фронта, как говорится, под самым носом у немцев. Много пришлось испытать тем, кто выезжал на оборонные работы: и налеты немецких самолетов, на бреющем полете обстреливавших наши око-

пы, и выход из окружения, когда только по счастливой случайности им удавалось спастись.

Вражеское кольцо все туже стягивалось вокруг Ленинграда. Наступил сентябрь — начало блокады нашего города. Усилились бомбежки и обстрелы города. Были разбомблены и сгорели Бадаевские склады, что вызвало снижение продовольственных норм по карточкам. Это отразилось главным образом на хлебе, остальные продукты питания выдавались очень нерегулярно или вообще не выдавались. Было произведено три снижения норм хлеба: первое — 2 сентября 1941 года (рабочие получали 800 г, служащие — 600 г, иждивенцы — 400 г); второе снижение — 12 сентября (рабочие — 500 г, служащие — 300 г, иждивенцы — 200 г), и, наконец, третье снижение — 1 октября (рабочие — 250 г, служащие и иждивенцы — всего лишь по 125 г).

Вспоминаются ноябрьские праздники 1941 года. Как многолюдно, торжественно и весело проходили они у нас всегда до войны! И в этот день собрались почти все оставшиеся сотрудники Института. Многие пришли со своими семьями. Правда, торжество состоялось не в актовом зале, а в подвале, в бомбоубежище № 1 (для сотрудников). Еще не отключалось электричество, и свет придавал торжественность нашему собранию, способствовал приподнятости настроения. После торжественного митинга был организован товарищеский чай, с собранными в общий котел нашими скудными съестными припасами. Вечеринка получилась очень оживленной, почему-то в этот вечер всем захотелось забыть про войну, бомбежки, лишения, вспоминать мирное время, не возвращаться к тяжелым думам, беспокоившим в глубине души каждого из нас, — а удастся ли дожить до следующего праздника? Откуда-то принесли патефон, начались танцы, хотя было и тесновато. Лишь поздно вечером мы разошлись, кто по домам, а кто на свои боевые посты.

Между тем подошла зима 1941 года. Жизнь в осажденном городе становилась все тяжелее, несколько сотрудников эвакуировались, но большинство продолжали оставаться на своих постах. Постепенно почти все оставшиеся сотрудники переселились в Музей. Сначала обжили кабинеты, затем перешли в подвал, где находилось бомбоубежище № 1 (под современным залом Америки). Здесь были сложены две плиты, которые как-то обогревали помещение, позволяли всегда иметь под рукой горячий кипяток, что было очень важно. Дрова заготавливали мы сами (в основном разбирали деревянные дома на окраинах города, предназначенные на слом). На санках мы перевозили их на наш двор, пилили и кололи. Бомбоубежище имело три отсека, которые и заселили наши сотрудники и члены их семей. Хозяйственники доставили туда

кровати, столы, стулья. Постепенно мы приспособили для своих нужд и другие отделения подвала, так как практически посторонние уже не заходили в них. «Старожилами» бомбоубежища были Д.А. Лев (с семьей), В.В. Федоров, Е.Н. Жиров, А.Б. Пиотровский, А.Н. Юзефович, Г.И. Петров, Г.Н. Прокофьев, Г.И. Смирнов (уже помню не всех). Позднее к нам присоединились В.В. Антропова, К.В. Вяткина, И.Н. Вишняков, А.А. Попов, М.В. Степанова, Л.Э. Каруновская, Н.А. Липская, Г.Г. Стратанович (с семьей), В.В. Екимова, А.Н. Кондауров. Они заняли помещение бомбоубежища № 2.

Для нас такая коллективная жизнь имела прежде всего большое моральное значение. Товарищи по работе всеми силами и способами старались помочь друг другу, поддержать слабеющих.

А положение в городе все ухудшалось. Перестал ходить трамвай. Те, кто не переселился в Музей, вынуждены были ходить пешком. Перестала поступать электроэнергия, замерз водопровод, кончались дрова (использовать в качестве топлива музейное имущество никому даже в голову не приходило). За водой отправлялись на Неву (хорошо, что близко), электрический свет заменили самодельные коптилки, куда наливалось все, что могло гореть. Они давали так мало света, что не освещали даже лиц сидящих около них людей. Большие плиты нам уже нечем было топить, достали откуда-то «временки», или «буржуйки», — небольшие самодельные железные плиты, на которых можно было разогреть нашу мизерную еду, принесенную из соседней академической столовой. Копоть и чад от этих «отопительно-осветительных» приборов были невероятными.

Но, конечно, больше всего нас одолевал голод. Появились больные дистрофией, которые не могли уже подняться с постели. Да и ходячие едва волочили ноги. Выполнять свои обязанности становилось все труднее и труднее. Особенно тяжело было дежурить в темноте на холодных чердаках.

И вот первые потери. Умирали тут же, среди своих товарищей. Особенно тяжело умирал Г.Н. Прокофьев, у которого на почве голода возникло острое психическое расстройство. Умерших товарищей мы выносили из наших подвалов в один из кабинетов на первом этаже, который очень быстро стал превращаться в настоящую мертвецкую. За зиму 1941/42 года мы потеряли почти 1/3 наших сотрудников. Среди них Н.А. Липская, А.Б. Пиотровский, Г.И. Петров, А.Н. Юзефович, А.Н. Кондауров, В.В. Екимова и многие другие.

Что помогло выжить, выстоять в это страшное время? Только глубокая вера в победу. И еще труд, любимая работа. Научная жизнь,

несмотря на все трудновыносимые, порой невероятные условия, продолжалась. Так, до своих последних дней работал над диссертацией А.Н. Кондауров, В.В. Екимова вела исследования по бухарским тканям. И таких примеров было много.

К счастью, в здание нашего Музея не было прямого попадания ни бомб, ни тяжелых снарядов. Однако само здание, особенно крыша, сильно пострадали от осколков разорвавшихся вблизи бомб (Зоологический институт, Университет) и снарядов. Приходилось самим чинить и латать крышу во избежание протечек и обвалов потолка. Что касается зажигательных бомб, то тут «недостатка» не было. Правда, особого вреда они не причинили. Дежурные зорко следили за всеми попаданиями и быстро тушили эти зажигалки.

Расскажу один особенно запомнившийся мне случай. В этот осенний день 1941 года на очередное дежурство на посту МПВО, находившемся в помещении Главных фондов МАЭ, — в то время Главные фонды МАЭ размещались в здании типографии АН СССР (ныне на Таможенном переулке) и занимали второй этаж, — заступили Д.А. Ольдерогге, В.В. Екимова и я.

С наступлением темноты на Ленинград был совершен очередной налет вражеской авиации. На этот раз массированной бомбардировке подвергся Василеостровский район. Получив по местному телефону уведомление о начавшейся воздушной тревоге, Д.А. Ольдерогге и я побежали на свои боевые посты у слуховых окон чердачного помещения, оставив внизу у телефона В.В. Екимову. Нам недолго пришлось наблюдать из окон. Увидев, как посыпались зажигалки на соседние здания и на улице стало светло, как днем, мы бросились проверять наши чердачные помещения. Большие чердачные помещения Главных фондов МАЭ в то время были абсолютно темными, так как все слуховые окна, кроме двух наблюдательных, были наглухо заколочены. Кроме того, уровень пола в помещении Главных фондов был неодинаков. Главные фонды располагались в трех старых зданиях с потолками разной высоты, причем потолок среднего здания был значительно ниже крайних. Все это создавало дополнительные трудности, делая чердачные помещения трудно проходимыми и плохо просматриваемыми. Приходилось то спускаться, то подниматься по крутым лесенкам с одной плоскости на другую, опасаясь в темноте не заметить ступеней и сорваться вниз. Лестницы были довольно крутые и без перил. Без фонаря в темноте проделать весь путь было почти невозможно, а фонарь был только один. На всей территории этого сложного по своей конструкции чердачного помещения стояли

бочки с водой, ведра, лопаты и другой инвентарь для тушения зажигательных бомб, а также кучи песка.

Осмотрев все чердачное помещение и не обнаружив ничего подозрительного, мы полезли на крышу, чтобы осмотреть и ее. На крыше в разных местах дымилось довольно много зажигалок. Их надо было немедленно обезвредить, прежде чем они успели бы прожечь крышу. Посоветовавшись, мы решили, что Дмитрий Алексеевич останется у своего поста — у слухового окна, а я полез на крышу и стал сбрасывать зажигалки лопатой на мостовую переулка и во двор, где их тушили уже другие дружинники МПВО из числа сотрудников Академии наук.

От криков дружинников и шипения зажигалок гвалт стоял невообразимый, и я не услышал свиста Дмитрия Алексеевича, который подавал мне условный сигнал. А случилось вот что: на другом конце здания Дмитрий Алексеевич заметил густой дым и огонь, пробивавшийся изнутри помещения. Покончив быстро с работой на крыше, я вернулся на чердак, и мы бросились к новому очагу пожара. Оказалось, одна из зажигательных бомб все-таки попала на чердак. Ударившись своей тыловой частью о крышу, она пробила ее и упала в ящик с землей, стоявший у стены. Мы не заметили эту бомбу, поскольку она, зарывшись в землю, лежала какое-то время в спокойном состоянии. Затем бомба стала активно проявлять свое действие, разбрасывая в разные стороны не только огненные струи на довольно большое расстояние, но и какой-то очень едкий дым, который перехватывал дыхание. Пришлось надеть противогазы. Но и они не смогли защитить нас от ядовитого дыма. Создавалось трудное положение, так как этот дым заполнил все чердачное помещение. Однако мы заметили, что в верхних слоях он значительно плотнее (как мы потом узнали, это был фосфорный газ, от которого противогаз не мог защитить), поэтому решили приблизиться к бомбе ползком, по-пластунски. Бомба продолжала фонтанировать, огонь подбирался к двери соседнего помещения, ее обивка уже начинала обугливаться. Мне как-то удалось дотянуться до нее и открыть ее лопатой. Огонь сразу уменьшился и не мог уже достать до двери. Загорись дверь, огонь проник бы в помещение самих фондов.

Тем временем бомба стала плавиться и деформироваться и превратилась в огнедышащую растекающуюся массу, которая грозила прожечь тонкое деревянное перекрытие пола чердака. Под этим чердаком находилось помещение фондов Отдела Сибири, где на стеллажах до самого потолка хранились деревянные и берестяные коллекции.

Поскольку песок и вода уже не помогали, пришлось пробовать другие способы тушения. Мы стали растаскивать и забивать лопатами это огненное месиво на части, не давая им подолгу оставаться на одном месте. Мы уже не думали о себе, о том, что можем отравиться ядовитым газом, — только бы поскорее потушить огонь, не дать возникнуть огромному пожару. А в некоторых местах доски и балки начинали уже обугливаться, загорелись стружка и мусор, которые оставались тут со времен строительства подсобной комнатухи. Работы прибавилось. Мы не знали, чтож тушить в первую очередь — саму ли бомбу или новые очаги пожара. Испробовав все доступные средства и приемы, нам удалось в конце концов справиться с огнем. Сколько времени продолжалась эта схватка — не помню. Мы едва держались на ногах от усталости и сильного кашля, вызванного едким дымом. Однако сознание того, что коллекции Фондов были спасены, пожар не повредил помещения, а главное — жизнь нашей третьей дежурной — Екимовой — была спасена (в случае пожара ей вряд ли удалось бы выбраться со своего поста), придавало нам бодрости. Справившись со своим состоянием (дым стал постепенно улетучиваться через открытое слуховое окно), мы продолжали нести вахту. Как мы потом узнали, зажигательные бомбы в тот раз попали и в башню Музея. При тушении пожара наши сотрудники, вероятно, тоже проявили не меньшую изобретательность.

Однако тяжелее всего было тушить пожар на башне Музея зимой 1941 года. Там не было выставлено поста, и поэтому меры по ликвидации очага пожара не были приняты своевременно. Когда туда поднялись сотрудники — всюю бушевало пламя. Огонь, очевидно, занялся сразу. В башне горели деревянные перекрытия, стропила. Вот-вот могли загореться большие шкафы, наполненные разными легковоспламеняющимися материалами. Как тушить пожар? Случилось это поздно вечером. Водопровод не работал, до песка не добраться, да он и не помог бы. Пришлось брать воду из проруби на Неве. На тушение пожара были мобилизованы все сотрудники Музея и члены их семей, в том числе вездесущая и проворная двенадцатилетняя Галя — дочь А.Н. Генко. Образовали цепочку и передавали ведра друг другу и так до самого верха башни. От истощения и от волнения трудно было удержать ведра, вода проливалась, тут же замерзая. Особенно тяжело было на узкой винтовой лестнице, ведущей на башню. Многие тогда получили тяжелые травмы, падая со скользких ступенек. Но все-таки пожар мы потушили, не дав огню проникнуть в глубь здания.

В декабре 1941 года башня вновь пострадала. На этот раз от осколков снарядов. В результате участвовавших обстрелов наше здание полу-

чило существенные повреждения. А мы перестали уже обращать внимание на эти обстрелы и, если надо было по делу, шли по улицам, правда, по возможности избегая той стороны, где имелась надпись: «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!».

Наступил 1942-й год. В связи с открытием Дороги жизни по льду Ладожского озера улучшилась доставка продовольствия в осажденный Ленинград. В первую очередь увеличились нормы выдачи хлеба по карточкам — в феврале рабочие получали уже 500 г, служащие — 400 г. Не были забыты и ученые Ленинграда. По распоряжению правительства специальный паек стал выдаваться сперва академикам и членкорам, затем профессорам и докторам наук. Для других категорий научных сотрудников, как и для большинства работающих ленинградцев, организовывались стационары со специальным усиленным питанием, куда в первую очередь попадали наиболее обессиленные и истощенные. Для нас такой стационар был открыт при Доме Ученых.

Не забыли нас и эвакуировавшиеся коллеги (очередная эвакуация по льду Ладожского озера производилась зимой 1942 года). И вот с Большой земли мы получили существенную помощь. Собрав значительную сумму денег, наши товарищи приобрели продукты и переслали их в осажденный Ленинград. Среди эвакуировавшихся нашлись добровольцы, которые вызвались сопровождать эти продукты, чтобы лично вручить их каждому из нас. Такое забыть невозможно.

Время шло, кончилась холодная зима, наступила весна и с ней новые тревоги и заботы. Прежде всего необходимо было, во избежание эпидемий, очистить улицы города от снега и мусора и скопившихся на них нечистот (ведь канализация зимой не работала). Специальным постановлением Ленгорисполкома (март 1942 г.) на уборку улиц было мобилизовано все население Ленинграда. И стар и млад — все вышли на уборку. Мы убирали свою территорию — на набережной, дворах и близлежащих переулках. И город снова стал чистым. А когда с наступлением тепла по городу побежал трамвай, радости нашей не было границ! Мы почувствовали, что жизнь в нас пробуждается вновь.

Но едва мы начали оправляться от дистрофии, как нас поджидал другой коварный враг — цинга. Сказалось отсутствие витаминов в пище: расшатывались и выпадали зубы, пухли суставы, отказывали ноги. Специальным распоряжением Ленгорисполкома (апрель 1942 г.) витамин С стали вырабатывать из ветвей хвои. Он поступил в продажу в аптеках города. Было рекомендовано самим заваривать и настаивать хвою и пить ее.

Другое распоряжение Ленгорисполкома касалось организации индивидуальных огородов. В черте города, где только было возможно, — на площадях, скверах, садах, дворах и т.д. — возникли такие огороды. Ботанический институт АН СССР и Всесоюзный институт растениеводства бесплатно раздавали всем желающим рассаду (лук, капуста, морковь и пр.). Некоторые наши сотрудники тоже занимали свои огороды и смогли собрать скромный урожай зелени и овощей.

Летом 1942 года была вторая массовая эвакуация сотрудников АН СССР. Эвакуировалась основная часть научных сотрудников нашего Института. Нас осталось совсем немного: В.В. Антропова, К.В. Вяткина, А.Н. Калдыкина, М.Д. Торэн, В.В. Федоров, технические работники: П.Н. Артамонова, Е.А. Максимова, А.А. Макарова, М. Кожевникова и Р.И. Каплан-Ингель. Возглавил нашу группу Уполномоченный от Академии наук архитектор Р.И. Каплан-Ингель. Ему была поручена охрана Музея со всеми оставшимися документами и коллекциями. Мы распределили обязанности, переехали в новое помещение — подвальные комнатки, где после войны разместились реставрационная мастерская и дежурка для смотрителей Музея и вахтеров. Новое помещение имело ряд преимуществ: окна не были заделаны кирпичом, поэтому пропускали дневной свет, толстые перекрытия стен изолировали их от других подвальных помещений, рядом был выход на улицу. И еще — комнатки имели печи, мы могли хорошо обогреваться зимой.

Мы составили план первоочередных работ по Музею и приступили к их исполнению. Надо признать, что Р.И. Каплан-Ингель проявил большие организаторские способности как в отношении работы, так и нашего быта.

Между тем кончалось лето. Фашистам стало все труднее прорываться к городу с воздуха, зато они еще яростнее стали обстреливать его из дальнобойных орудий. Взять Ленинград измором фашистам не удалось, они стали готовиться к штурму.

Нас, как и всех ленинградцев, привлекли к оборонительным работам. Мы устанавливали проволочные заграждения, рыли траншеи в районе Пушкинского дома и Биржевого моста. У Дворцового моста со стороны Зоологического института были установлены дзоты. По распоряжению командования фронта, здание Музея было переоборудовано в опорный пункт обороны. Нам пришлось превратить два угловых кабинета на первом этаже, выходивших окнами на набережную (современные кабинеты Африки и Сибири) в боевые точки. Все работы произвели мы сами. Военные доставили нам только строительные материалы (каменные плиты, кирпичи, цемент, песок и т.п.), которые мы

Папуас, «выстреливший» из лука.

перенесли на своих руках в здание Музея, в том числе и на верхние этажи. Каменные плиты мы установили в проемах окон, заделали кирпичом, оставив амбразуры для пулеметов. Для установки пулеметов построили специальные деревянные постаменты, а для тяжелых орудий пришлось в толстых стенах здания пробивать специальные двери. Нам же пришлось прокладывать и телефонный кабель внутри здания, чтобы в случае необходимости, осуществлять связь с военной частью, дислоцированной в данном районе города.

А работы внутри Музея шли своим чередом. Надо было вынести крупные экспонаты из шкафов, упаковать их, заделать витрины, шкафы и манекены щитами, досками и другими упаковочными материала-

лами, чтобы сохранить их. Интересная история приключилась с одним из манекенов — «Папуас, стреляющий из лука» (сейчас он стоит в зале Австралии). Вблизи Музея разорвался крупный снаряд. Здание сильно трянуло, многие предметы сдвинулись со своих мест, некоторые разломались. У манекена, стоящего на галерее, отломился палец руки, удерживавший натянутую тетиву. Освобожденная тетива довольно сильного лука моментально выбросила стрелу вперед, разрядив тем самым лук. Стрела, пролетев через весь зал, опустилась и вонзилась в щит, защищавший один из шкафов нижней части зала. Получилось впечатление, что манекен-папуас, обращенный лицом в сторону врага, выпустил в него из своего лука стрелу в отместку за все, содеянное им. А в Музее до сих пор бытует легенда «Как папуас Музей от врага защищал».

Вот так и протекали наши блокадные дни — работа по Музею, дежурства, оборонные работы, очистка близлежащих территорий от снега и мусора, разные авральные работы, связанные с ликвидацией последствий бомбежек и обстрелов. Мы жили и работали, как все ленинградцы в то время. Я перечислил здесь далеко не все, но хочу подчеркнуть, что мы не делали ничего исключительного.

В.В. Екимова

О ФОНДЕ ОБОРОНЫ

Клич, брошенный по всей стране о создании фонда обороны, нашел отклик и в нашем Институте. На общем собрании сотрудников было постановлено ежемесячно отчислять однодневный заработок. В августе однодневный заработок имевшихся налицо 77 сотрудников составил 1504 руб. 22 коп. Но, к сожалению, к сентябрю энтузиазм спал: так, однодневный заработок за сентябрь внесли 22 сотрудника из 63, а сейчас уже середина октября. Товарищи, давайте не затягивать выполнение своих обязательств перед Родиной!

Нельзя сказать, что очень хорошо прошел у нас сбор ценностей. Облигации внесли 12 сотрудников на сумму 6960 руб. Двое принесли немного золота и серебра.

Наступают холода. Мы в помещении и то ощущаем холод, а можно себе представить, каково быть в окопах, если не имеешь теплой одежды! Наши защитники Ленинграда получают теплое белье, но еще много его нужно для армии. Ряд товарищей — 12 человек — оказали посильную помощь кто чем мог. Принесла шерстяные носки, шерсть, фуфайку М.Д. Торэн. Принесли, что могли, и Н.А. Липская, Е.А. Максимова. Но откликнулись далеко не все, кто мог бы помочь Армии. Конечно, не у всех есть личные теплые вещи, но можно ведь оказать помощь деньгами.

БАН собрал 2000 руб., на собранные деньги был куплен теплый материал и сами сотрудники взялись за пошив белья. У нас же собрали всего 190 руб. на покупку теплого белья. Надо брать пример с Э.Я. Шапиро, которая горячо откликнулась на наш призыв и принесла не только деньги, но и теплые вещи. А она ведь не является сотрудницей нашего Музея.

Товарищи, когда Вам будет холодно, вспомните — а каково нашим бойцам в окопах!

*Вера Васильевна Екимова,
заведующая Отделом Передней
и Средней Азии. Умерла
во время блокады.*

Д.А. Ольдерогге

НАБРОСКИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ¹

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, член-корреспондент АН СССР и нескольких зарубежных академий, признанный глава отечественной африканистики. Принимал активное участие в жизни коллектива Института в тяжелые годы блокады. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда».

Утром 22 июня радио оповестило об агрессии и вторжении в нашу страну фашистских войск Германии. К 8—9 часам все сотрудники явились на свои рабочие места. В Институте установили круглосуточные дежурства, определили дежурные посты в разных концах здания, а также в помещении фондов, находящихся в здании АН СССР, — во втором этаже по всей линии Таможенного переулка, во флигеле, стоящем напротив Института этнографии...

Еще до войны сотрудники Музея антропологии и этнографии должны были составить списки особо ценных коллекций, которые в случае опасности требовали специального хранения. Для этих коллекций, отнесенных к группе уникальных собраний, еще до войны заготавливались специальные ящики, которых не хватало. В первые же дни войны ящики с ценными предметами поставили в нижний подвальный этаж здания, где своды очень надежны.

Затем началась разборка экспозиций и укладка вещей в ящики, которые тут же изготовлялись. Основная масса упакованных коллекций была перенесена и уложена в подвалах. Работа осложнялась тем, что многие сотрудники ушли на фронт, в том числе и заведовавший фондами И.Я.Треногов. Объем работ был ве-

¹ Сюда вошли материалы из Справки о деятельности коллектива Института этнографии АН СССР в дни войны, представленной Ученному секретарю 15 марта 1985 года, а также отрывки из личной переписки Д.А. Ольдерогге 1994 года. — Ред.

лик — сюда входила и очистка помещений фондов, главным образом чердаков, где накопилось немало всевозможных вещей — безномерные черепа, кости, части археологических предметов, запасы хозяйности и т.п. Часть этих безномерных предметов мы зарыли в большую яму, вырытую около ворот, ведущих в Архив АН СССР (между нашим и Зоологическим музеем). Надо об этом помнить, чтобы будущие археологи не удивились обилию и разнообразию черепов в одном «погребении».

В первые месяцы войны мы еще ограничивались приведением в порядок коллекций и дежурствами. Затем после участвовавших налетов и бомбежек пересмотрели весь наш внутренний распорядок. Прежде всего, открыли все двери, даже заколоченные. Так, дверь в библиотеку, которую закрывали ежедневно после окончания всех работ, пришлось держать постоянно открытой, чтобы обеспечить свободный проход дежурной охраны здания.

В июле 1941 года группа сотрудников Института была направлена на оборонные работы на станцию Радофинниково, где предстояло рыть траншеи. Со мной в группе были Э.В. Зиберт, Г.И. Петров, Н.И. Шадрина, в другой группе — Т.Л. Юзепчук, кто еще не помню. Там мы прожили неделю, как вдруг ночью прискакал вестовой с сообщением, что немцы прорвали оборону, обошли наши части. Всем военнообязанным нужно было возвратиться в Ленинград в свои комиссариаты. Однако по приказу местного начальника группу сотрудников академических учреждений вывезли к Новгороду опять же заниматься строительством рубежей. Местность, где нам пришлось работать, простреливалась, поэтому работали по ночам. Через несколько дней немцы и здесь прорвали оборону, и мы оказались в районе боев. Вывозили нас на военных машинах, сперва доставили в Новгород, а потом в Ленинград.

А через несколько дней группа сотрудников академических институтов, входившая в так называемый Василеостровский отряд, снова была послана на оборонные работы под тот же Новгород. Продержались там несколько дней. Прибывший вестовой сообщил нам, что немцы обошли этот участок и находятся уже далеко впереди. Пока судили-рядили, как выбраться, сюда стали стекаться отдельные красноармейцы с оружием. Решили идти ночью, не зажигая огня. Командиром выбрали меня, как старшего по званию (капитан запаса) и знавшего местность (моя семья многие годы летом отдыхала в этих краях, мы много ходили пешком по окрестным деревням). Шли гуськом в затылок друг за другом, стараясь не шуметь, не говорить, выбирали густые участки леса, костров не разжигали. Вышли к своим около Радофинникова. Там встретили сотрудниц нашего института, рывших противо-

танковые рвы. Мы отдали женщинам все свои теплые вещи, так как посчитали, что они нам больше не нужны, — тепло, мы едем в Ленинград, а им еще неизвестно, как долго предстоит работать.

А когда пришли на станцию, какой-то лейтенант, принявший на себя командование, объявил нас всех мобилизованными в армию, посадил в вагоны и направил в сторону фронта. Пытавшемуся возразить против чинимого произвола К.К. Курдоеву (из Института востоковедения) пригрозил расстрелом на месте. Ночью вагоны подверглись жестокому обстрелу, все высыпали из вагонов и рассыпались по полю. Остаток ночи провели в канаве, плотно прижавшись друг к другу. Ночи были уже прохладные, а из одежды у нас остались одни майки да легкие рубашки. Утром мы увидели подъехавшие грузовики с красноармейцами. Командир приказал в каждую машину брать по нашему сотруднику, за исключением К.К. Курдоева, которого старательно искал, «чтобы расстрелять на месте». Бедного Курдоева бойцы спрятали себе под ноги на дно машины, чтобы не попался на глаза разгневанному начальнику. На этих машинах мы благополучно прибыли в Ленинград, где еще было тихо.

По приезде в Ленинград меня направили в отряд гражданской обороны, расположенный в Академии художеств. Там мы проходили военную подготовку. В случае необходимости, задачей отряда была оборона моста Лейтенанта Шмидта. Потом отряд расформировали.

После первых бомбежек многие семьи сотрудников остались без крова. Кабинет Африки отдали под жилье семье профессора Генко и его жене. Затем были оборудованы два бомбоубежища: одно в подвале восточного крыла Музея, другое — в подвале здания, выходящего на Таможенный переулок.

При объявлении воздушной тревоги дежурные немедленно отправлялись на свои посты — на крыши зданий Кунсткамеры и фондов Музея, находившихся в восточном крыле главного здания Академии наук. Каждый пост был снабжен противопожарным инвентарем, в том числе бочками с водой и песком. Дежурные надевали пожарные каски.

18 октября 1941 года в результате массированного налета Стрелка Васильевского острова оказалась буквально засыпанной зажигательными бомбами. Большинство зажигалок были благополучно погашены дежурными или сброшены вниз, где их «доканчивали» вышедшие на бережную наши сотрудники. Однако пожар начался на самой башне Кунсткамеры, там очевидно поста не было. Напомню, башня тогда оставалась недостроенной — верх ее представлял собой площадку. Я вместе с начальником поста В.В. Федоровым находился в это время на

крыше другого здания — фондов. Мы благополучно ликвидировали все зажигалки и уже собирались уходить, как вдруг я заметил в самом углу чердака, под узкой щелью крыши, огонь. Оказалось, одна зажигалка, пробив железо крыши, застряла в перекрытии, зажигательная смесь стала плавиться и вытекать. Возник пожар, потушить который удалось с большим трудом, ползком перелезая через балки и перекрытия, нося в пожарных касках то воду, то песок. Не успев отдышаться, заметили зарево пожара над башней Кунсткамеры. Бросились вниз на помощь. Пожар был потушен.

В конце октября было получено распоряжение перевести всех сотрудников мужчин на казарменное положение. Меня в списки не включили, так как я в то время лечил разбитую при тушении пожара ногу. Сотрудники Института, не находившиеся на казарменном положении, обязаны были один раз в неделю являться в дирекцию. Кроме того им вменялось в обязанность обходить квартиры не явившихся в срок и узнавать причины отсутствия.

Началось самое тяжелое время блокады. Люди стали умирать от голода.

Для сотрудников, находившихся на казарменном положении, были оборудованы в подвалах общежития. Однако постепенно в них стали перебираться и сотрудники, по тем или иным причинам не живущие в своих квартирах. В подвалах в полной темноте рядами стояли кровати, около некоторых мерцали ночники. Было холодно, водопровод и канализация не работали. Но, несмотря на все эти трудности, в перерыве от своих обязанностей многие занимались научной работой. Скажу о себе: вместе с С.А. Штернберг и С.В. Ивановым мы обсуждали проблемы редактирования курса Л.Я. Штернберга по общей этнографии и подготовке его к печати. К весне 1942 года, когда стало светлее, улучшилось продовольственное снабжение, начались заседания объединенного Научного совета. Так, 1 апреля 1942 года состоялось организационное собрание, 27 мая был мой доклад по общей этнографии (эпигамия), 3 июня — отчет Института этнографии, где мне также пришлось выступать. 12 июля в Институте археологии на Ученом совете под председательством В.И. Равдоникаса состоялся мой доклад о наскальных росписях в Сахаре.

В конце лета 1942 года поступило распоряжение об эвакуации оставшихся сотрудников Академии наук. В Институте осталась небольшая группа под руководством Р.И. Каплан-Ингеля, энергичного организатора, сумевшего сохранить Музей. Эвакуация сотрудников с семьями происходила в августе, ехали мы по железной дороге до

Ладожского озера, затем на катерах на Большую землю. В Ташкент прибыли только в ноябре. Вскоре получили известие о назначении директором Института С.П. Толстова.

В начале 1943 года С.П. Толстов прибыл в Ташкент знакомиться с сотрудниками, организовал несколько научных заседаний...

В феврале 1944 года я и М.В. Степанова получили командировки в Москву, где в то время С.П. Толстов создавал Московское отделение Института этнографии АН СССР. Из Москвы я был командирован в Ленинград в начале марта 1944 года. Поезд, на котором я ехал, был одним из первых, что шли тогда из Бологого. Поезд кружным путем добирался до Шлиссельбурга, где был наведен мост через Неву. Перед поездом была прицеплена тяжелая платформа, обеспечивавшая ему безопасность от взрыва мин. Такой взрыв произошел перед поворотом на Тихвин...

В мае 1944 года у меня была вторая командировка в Москву, а затем и в Ленинград, где я уже остался насовсем. Впечатления от увиденного попытаюсь выразить в сравнении.

Разница между мартом и июлем ощутительна: как будто два различных Ленинграда, причем второй Ленинград становится уже менее фронтным...

Март. У Московского вокзала сажусь в трамвай. Народу немного, в трамвае свободно, хотя вагонов в ходу не хватает и ждать приходится долго. В вагонах стекол мало, их заменяет фанера. Я нарочно просчитал, какой процент офанеренных и остекленных окон. В одном трамвае из 20 — 10 стекол, 10 фанер, в другом — 8 стекол, 12 фанер, в третьем — 14 стекол, 6 фанер, в четвертом — 4 стекла, 16 фанер. Причем на долю стекол остается мелкая расстекловка, все большие рамы (которые открываются), как правило, всегда фанерные. Поэтому вечером, в затемнении, трамвая не видно. Слабое мерцание притушенного фонаря снаружи позволяет различить его только на близком расстоянии. Внутри трамвая синий свет, отчего сидящие в нем люди кажутся мертвецами.

На улицах народу почти нет, особенно по вечерам. На Невском проспекте народу больше, на боковых улицах — единицы. Зараз видишь не более 2—3, ну человек 5 на такой улице, как Литейный проспект, а на меньших — лишь случайные прохожие. Поражают скелеты домов с пустыми глазницами окон. Есть и такие дома: внешне дом как дом, на невнимательного человека он не произведет никакого впечатления — стены целы, окна, правда, без стекол, но и без выбоин. Однако внутри нет потолочных перекрытий, стен, лестниц, разбиты цели-

ком или частично отдельные квартиры. Значит, здесь «поработали» снаряды.

Вот пример. Прихожу в дом О.Г. Зограф. На площадке две квартиры, направо ее квартира — налево открытая почему-то дверь. Оказывается, туда попал снаряд: уничтожены перекрытия, содрана штукатурка со стен, раздроблена мебель, книги, посуда — квартира необитаема...

А уж к лету 1944 г. города было не узнать. По Невскому муравьиным потоком движутся люди, идут по обеим сторонам, не вспоминая про надпись: «Граждане! Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна!». Эти надписи вспоминаются теперь почти как мраморные доски с указанием высоты воды в 1824 году. Их смывают, к сожалению, а хорошо бы оставить свидетелей тех тяжелых времен...

Изменилась и Университетская набережная. Перед нашим Музеем были три землянки, два дота. Кроме того при входе на Дворцовый мост тоже дзоты. Землянки с месяцем назад засыпаны, а теперь и мостовую заложили камнями. Вход в Таможенный переулок освободили от проволочных заграждений, врытых в землю. В Главном здании Академии наук начинают разбирать замурованные окна. В нашем Музее кабинеты Африки и Сибири еще по-прежнему являют собой мощные доты.

Весной и летом начали появляться новые трамвайные вагоны, по новым маршрутам пущены отремонтированные. Они остеклены тонким, рубчатым, с браком стеклом. Сперва таких вагонов было мало, теперь с каждым днем становится все больше и больше. В трамвае давка и теснота, на подножках висят. Число маршрутов почти довоенное: перед Институтом № 5 и 12 (мост Биржевой не в порядке). Любопытно смотреть на трамвайные пути: на остановках, около стрелок, на перекрестках, всюду, где так или иначе сближаются трамвайные пути, — блестящие рельсы, тогда как на остальной части пути — темные. Это также результат обстрелов — развороченные рельсы заменялись новыми. На Невском такое увидишь на каждой остановке. Следы обстрелов выдают и более темные пятна на асфальте, обрывки болтающихся проводов, хотя, как правило, эти обрывки прикреплены к домам...

Хотя фронт продвинулся далеко, взрывы все еще слышны, — говорят, рвут мины на взморье. Мины — это сущее наказание, их бесконечно много, за городом ступить нельзя за пределы дороги. Много людей подорвалось на минах, неразорвавшихся снарядах и гранатах. Страдают и дети. В городе полно всякого пороха, гранат, патронов, и

мальчишки забавляются этим не без вреда. В мае прохожу я по двору соседнего дома, вдруг грохот, летят стекла, из окна пламя. Оказывается, дети раздобыли порох, сложили в кучу на лестнице и подожгли. Хорошо, что все обошлось благополучно, ребята отделались испугом и разбежались. А есть слухи похуже. На набережной Невы, за Мошковым переулком, мальчонка, где-то раздобыв противотанковую гранату, решил глушить рыбу. В результате у мальчика оторваны руки, нога. Очень много таких происшествий в пригородах...

Пригороды, окрестности... Вспоминаю путь по Октябрьской дороге: от Чудова до Ленинграда нет ни одной железнодорожной будки — все взорваны. Поповка — абсолютно голое место, парк — только щетка голых стволов. Все эти места перерыты линиями окопов и блиндажей. Поезд идет наперерез через них. Еще ужаснее вид пути вдоль Ладоги у Шлиссельбурга, Мги, где на десятки верст видишь только остатки леса — стволы, воронки и пни, пни, пни... Из воронки вдруг вылезает железнодорожник, помашет флажком и вновь ныряет вниз, в воронку...

Всего не перескажешь. Это вообще только наброски. Воспоминаний столько, что в пору написать книгу...

Приведу для примера, страничку из моего дневника...

1944 год

19.VI. Понедельник

С утра начал проводку телефонного кабеля по наружному фасаду здания Кунсткамеры. Первый день работаем с 9 ч. утра. С 12 — привезли дрова, две машины, — 12 м³.

Разгружали дрова человек восемь (почти исключительно женщины). К четырем—пяти [часам] окончили укладку в подвалы. Устали чрезвычайно. С Александрой Николаевной [Калдыкиной] вечером был даже сердечный припадок. Получил карточку сухого пайка НР. Был в кооперативе в первый раз.

20.VI. Вторник

Продолжал проводку телефона по наружной стене фасада Кунсткамеры. Провел до середины здания. Работа окончена к 2 часам, окончилась ввиду того, что весь моток — 220 м — израсходовал.

От вчерашней укладки и от непривычки работы с проводкой устал до того, что ничего дома не смог сделать. Уборка стоит уже третий день. Отоварил частично карточки — белый хлеб.

21.VI. Среда

От усталости ночь не спал. Сердце. Продолжал проводку кабеля. К часу провел 200 м, работа идет легче. Мотки не спутал, даже пропускаю их под водосточными трубами. Появился опыт. Вечером был

у Николая. Бежал, чтобы успеть к 12 ночи домой. За полчаса дошел до дому с чемоданом и динамиком от Октябрьского вокзала.

22.VI. Четверг

Дежурство. Предстоит включение света в ту часть здания, куда мы переходим на лето... Электротехник занят. Включение не состоялось. Сделал ввод телефонного провода в новую дежурку.

Из домашнего архива Д.А. Ольдерогге. На внутренней стороне твердой обложки книги П. Белинского «Пространство, время и движение» простым карандашом составлен «Список людей, которых надо было выводить из “мешка” близ Шимска в 1941 г. Всего 22 человека»

ФИН

1. Барашников, Ив[ан] Афан[асьевич] (болезнь неразборчиво).
2. Павлов Борис Влад[имирович], бронхит, восп[аление] горла.
3. Викторов Влад[имир] Фед[орович], почки, суставной ревматизм, босой.
4. Федоров Илья Антон[ович].

ИВАН

5. Башкиров Андрей Вас[ильевич].
6. Новичев Арон Давыдович.
7. Цевикиан Арен.
8. Якимов.
9. Муллакандов.

ИЭ

10. Лев Давид Нат[анович], туберкулез.
11. Петров Гр[игорий] Ив[анович], рука, легкие.
12. Ольдерогге Дм[итрий] Ал[ексеевич].
13. Шакуров Али.

ЗИН

14. Рубцов Ив[ан] Ант[онович], желудок.
15. Кожанчиков Игорь Вас[ильевич].
16. Манчацкий Александр Сам.

Другие

17. Игнатович Александр Мих.
18. Кириллов Конст[антин] Геор[гиевич].

Приморский — Газоаппарат

19. Гришин Матв[ей] Никит[ович].
20. Лебедев Фед. Ив[анович].
21. Нестеров Ник[олай] Ник[олаевич].
22. Холодов Александр Ив[анович].

С.В. Иванов

КАК БЫЛА ЛИКВИДИРОВАНА ТЕРМИТНАЯ БОМБА

Сергей Васильевич Иванов, доктор исторических наук, сибиревед. Его научные труды составляют золотой фонд отечественной этнографической литературы. В тяжелые годы блокады работал в Институте.

Стоял конец холодного ноября 1941 года. Все более менее трудоспособные сотрудники нашего Института напряженно ждали очередного сигнала воздушной тревоги. А они объявлялись по нескольку раз в день.

Мы сидели в подвале, в дежурке, где было теплее, чем в кабинетах и залах Музея, с выбитыми стеклами и тонким налетом снега на полу.

А вот и сигнал, к которому мы всегда были готовы. Дежурные быстро заняли свои места. Мой пост в этот день был на крыше, неподалеку от башни, не имевшей тогда верхушки.

Вскоре послышалось глухое гудение фашистских самолетов. Еще через несколько минут на набережную и на наш Музей посыпались ящики с зажигательными бомбами. Их было много — ящиков и бомб. Они со стуком ударились о мостовую и о крышу Музея. Раскальваясь, ящики выбрасывали десятки и сотни

бомб, разлетавшихся во все стороны. Нужно было внимательно следить за тем, чтобы ни одна из них не застряла на крыше, покрытой снегом.

Оглянувшись, я заметил бомбу, наполовину ушедшую в снег, неподалеку от моего поста. Времени было мало — дело решали секунды. Я схватил шипцы и, зажав ими бомбу, пробрался к лестнице и бросил зажигалку в большую бочку с водой. Вода зашипела, потом успокоилась, и я решил, что опасность миновала. На следующий день я вытащил бомбу из бочки и хотел выбросить, но услышал легкое шипенье. Пришлось снова опустить бомбу в бочку. Так продолжалось еще несколько раз в течение целого месяца. Наконец шипение прекратилось, но я держал бомбу в воде еще около месяца, а затем зарыл ее в песок, а позже отнес домой.

В.В. Антропова

УЧЕНЫЕ ДУМАЮТ О СВОИХ ТРУДАХ, РАБОТАЯ ПРИ СВЕТЕ КОПТИЛКИ...

22 июня 1941 года гитлеровские полчища перешли границу нашей Родины. В этот день и в наш мирный Институт незваной гостьей вошла война. Один за другим уходили на фронт мужчины. В непривычной военной форме они наскоро забежали в Институт привести в порядок дела, торопливо прощались, попросив помогать семьям. Матери же со слезами отправляли ребятшек в далекую эвакуацию.

25 июня предельно краткий приказ по Институту: «Музей для посетителей закрыт до особого распоряжения». Удары молотков, визг пил, шуршание бумаги заменили в залах голоса экскурсоводов. Спешно делались ящики и в них упаковывались коллекции. Но вот забит последний ящик, уложены уникальные и наиболее ценные предметы. С коллекциями второй очереди труднее — не достает тары, израсходован упаковочный материал. Но и эта работа выполнена.

Враг с каждым днем приближается к городу. Началась подготовка Ленинграда к обороне. Сотрудники целыми группами уезжают на строительство оборонных сооружений. В них участвовали не только трудоспособные, но и те, кто не подлежал мобилизации на трудовом фронте, — К.В. Вяткина, Л.Э. Каруновская, Г.С. Григорьев и другие. Оставшиеся в Институте шили мешки, таскали песок и воду на чердаки, заклеивали и маскировали окна.

Сентябрь—октябрь 1941 года. Сомкнулось кольцо вражеской бло-

Валентина Васильевна Антропова, научный сотрудник Отдела Сибири. Всю блокаду работала в Институте. Награждена орденом «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».

кады. Плохо с продовольствием, сокращается паек. Учащаются налеты фашистских стервятников. По ночам в погруженный во мрак город сыплются тысячи зажигательных бомб. За ними со свистом и грохотом падают тяжелые фугаски. Часть сотрудников переведена на казарменное положение, чтобы обеспечить противопожарную охрану Музея. Круглосуточное дежурство на чердаках. В одну из темных осенних ночей на здания Института и фондов падают зажигалки, но они быстро потушены С.В. Ивановым, Н.Н. Тихоницкой, В.В. Федоровым и Л.И. Судаковым. 18 октября 1941 года общими силами всего коллектива был потушен пожар на башне Института, куда под перекрытие попала зажигательная бомба.

В те осенние дни впервые в повседневную разговорную речь вошло страшное слово «дистрофия». Первой жертвой голода в Институте стала Н.П. Дыренкова.

Ноябрь—декабрь. Дни становятся короче и темнее, холод ощутительнее, вышел из строя водопровод, выключено электричество, через выбитые окна залетает снег, гуляет ветер. Все настойчивее дает о себе знать голод. Люди пухнут, болят или просто падают и умирают. Но жизнь все еще теплится в стенах Института. Уполномоченный Р.И. Каплан-Ингель собирает еле двигающихся сотрудников, чтобы кусками фанеры заделать зияющие провалы в окнах. Ученые думают о своих трудах, работая при свете коптилки...

16 декабря на заседании Ученого совета филфака защитил диссертацию А.Н. Кондауров. Деятельно готовится к защите Н.Н. Тихоницкая. Д.А. Ольдерогге пишет докторскую диссертацию. Г.И. Петров читает лекции, пишет актуальные статьи по расовой проблеме.

Страшные январь и февраль 1942 года. Почти каждый день печальное известие о чьей-нибудь смерти. Из 33 человек, умерших в блокаду, 29 сотрудников Института умерли в эту холодную зиму. Но 1942-й год принес немало и радостей: разгром немцев под Тихвином, открылась Дорога жизни, увеличены нормы выдачи продуктов. В феврале часть сотрудников эвакуировалась на Большую землю. Суровая зима постепенно уступала свою власть. Люди поокрепли, и с наступлением весны все, кто мог держать лопату в руках, вышли на улицу, чтобы очистить город от снега и нечистот. И с этой работой коллектив справился.

Лето 1942 года. Ожидается новое наступление фашистских орд. В июне в Институте остается только небольшая группа сотрудников для охраны музейных коллекций, остальные эвакуируются. Ленинград подвергается ожесточенным артиллерийским обстрелам. Здание Институ-

та разукрашено следами осколков от снарядов. Внутри его мощные каменные доты, в сооружении которых принимают участие сотрудники Института. Они же зафанеривают слишком часто вылетающие окна, а в тихие дни вскрывают ящики с коллекциями: посмотреть, не завелась ли там моль.

Зима 1942/43 года была встречена во всеоружии: заготовлено топливо, улучшились бытовые условия, нормализовалось питание, но лучшей пищей были радостные известия с фронта.

Лето 1943 года. В каждый ясный солнечный день по всему двору натягивались веревки, на которых сушились и чистились меховые вещи. Вот запись из дневника того времени: «6/VI сушили сундук 8—158 вещей; 7/VI — обувь из морилки — 188 вещей... 20/VI — сушили мелкие вещи — 483 предмета» и т.д. И так до конца теплых и сухих дней.

В 1943 году оживилась и научная жизнь. В августе была организована научно-исследовательская группа историков под руководством Ю.П. Францева, ученым секретарем которой была назначена К.В. Вяткина.

27 января 1944 года залпы первого победного салюта в Ленинграде. Темное небо осветили пучки разноцветных огней. Знакомые и незнакомые поздравляют друг друга, смеются, кричат, плачут, но это слезы радости. Радость на лицах, домах, улицах: «Блокада снята!!!».

Далее мы приведем некоторые воспоминания Валентины Васильевны Антроповой о товарищах, с которыми она работала в те забываемые годы.

Всем сибиреведам (как у нас, так и за рубежом) хорошо известно имя **Георгия Николаевича Прокофьева** — лингвиста и этнографа, заполнившего на этнографической карте Сибири большое белое пятно и ознакомившего науку с почти не известным народом — селькупам.

Он изучил их обычаи, зафиксировал культуру, в совершенстве освоил их язык, что впоследствии дало ему возможность разработать и аргументировать теорию южного происхождения самодийских народов. Но деятельность Георгия Николаевича не ограничивалась разработкой чисто научных вопросов, он являлся также автором букварей, грамматик и других учебных пособий на селькупском языке. Селькупы до сих пор хорошо помнят Георгия Николаевича, хотя с тех пор прошло много десятилетий. В те далекие 20-е годы Георгий Николаевич был среди селькупов первым учителем в первой селькупской школе. И прав был профессор В.Г. Богораз, сказав: «Благодаря своему знанию селькупского языка, Прокофьев приобрел полное доверие своих селькупских соседей. Они называют его *Рус-сель-куп*, т.е. рус-

ский селькуп». Таков был Георгий Николаевич Прокофьев — ученый и гражданин.

Григорий Давыдович Вербов прожил всего 32 года. Трудно сказать, где больше времени провел он — в аудиториях, за письменным столом или в поле, пересекая на оленних нартах безбрежные тундры Европы и Западной Сибири от стойбища к стойбищу, обучая в чумах грамоте ненецких ребятишек и ведя беседы со стариками о древних обычаях ненецкого народа. В это же время Григорий Давыдович окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, опубликовал ряд статей, принимал деятельное участие в составлении словарей, букварей и других учебных пособий на ненецком языке. Перед войной он начал работать над монографией «Ненцы», которая мыслилась как докторская диссертация.

22 июня Григорий Давыдович ушел добровольцем на фронт. Весной 1942 года сержант Вербов по рекомендации товарищей, знавших его по работе в Институте, подает заявление с просьбой принять его в ряды партии. Однако документы вернулись обратно, разрыв вражеского снаряда оборвал жизнь талантливого исследователя, большого знатока культуры и быта ненцев.

Старший научный сотрудник сектора Сибири **Николай Петрович Никульшин** — воспитанник Московского университета. После его окончания в 1931 году вместе с женой и грудным ребенком поехал на стационарную работу в Эвенкийский национальный округ. Более трех лет прожил там комсомолец Никульшин, сочетая практическую работу сотрудника культурбазы со сбором этнографического материала и изучением эвенкийского языка. После Эвенкии — Ленинград, аспирантура, успешная защита диссертации. В отличие от многих этнографов 30-х годов Николай Петрович особый интерес проявил к изучению современности, что нашло отражение в его большой опубликованной работе «Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков». В первые дни войны коммунист Никульшин ушел добровольцем на фронт и погиб, защищая подступы к Ленинграду.

В числе тяжелых утрат, которые понесла этнографическая наука в годы блокады, стоит имя **Надежды Петровны Дыренковой**.

Надежда Петровна — ученица востоковедов академика Александра Николаевича Самойловича, члена-корреспондента Сергея Ефимовича Малова и этнографа Льва Яковлевича Штернберга, была специалистом широкого профиля — этнографом, лингвистом, фольклористом. Начиная со студенческой скамьи, т.е. с 1925 года, она сочетала кабинетную работу с экспедиционной, побывала у всех тюркских народов Южной

Сибири. Этнографам хорошо известны работы Надежды Петровны в области социальной и духовной культуры тюркских народов, лингвистам — грамматика шорского и алтайского языков, фольклористам — богатейшие материалы, записанные ею у шорцев, алтайцев, хакасов.

«Шорский фольклор» — монография Надежды Петровны Дыренковой — был с интересом прочитан Алексеем Максимовичем Горьким и получил его одобрение.

Нина Александровна Липская — очень добрая скромная женщина, с радостью делившаяся со всеми тем, что имела и знала. Но за этой скромностью скрывались большие знания, большой опыт полевой работы неутомимого исследователя амурских народов, скрупулезное знание их обычаев, языка и фольклора. Нина Александровна и умерла, сидя за обработкой своих научных материалов.

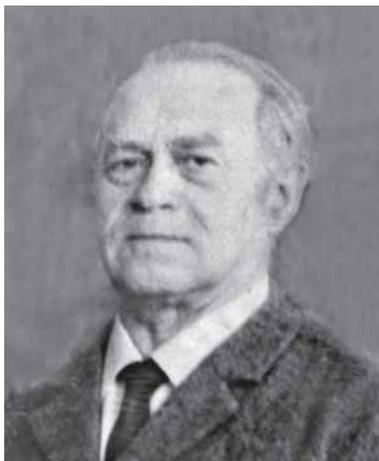
Николай Борисович Шнакенбург, или попросту Шнак, как его звали друзья, связал свою судьбу с далекой Чукоткой. По рекомендации профессора Владимира Германовича Богораза, прервав учебу в университете, он поехал к чукчам и пробыл там свыше двух лет, работая учителем в чукотских и эскимосских стойбищах и селениях. Перед войной он совершил еще одну поездку на Чукотку, побывав у малоисследованной группы коряков-кереков. С большими планами поступил Николай Борисович перед войной в аспирантуру Института, но осуществить их не удалось. Солдат Николай Шнакенбург не вернулся с фронта.

Игорь Лекомцев. Если называть его полным именем, т.е. Игорем Михайловичем Лекомцевым, то даже близко знавшие его сперва должны были подумать, о ком идет речь. Для всех он был и остался просто Игорем Лекомцевым — кудрявым веселым комсомольцем, приехавшим в университет из глухой Удмуртии. Студент, затем научный работник Института этнографии, всегда имевший много творческих планов, он вел и большую общественную работу. С годами прибавлялся опыт, знания, научные статьи, авторитет, но Игорь оставался все тем же веселым чутким товарищем, надежным другом, комсомольским организатором.

Комсомол рекомендовал его в партию. После окончания Высшей партийной школы И. Лекомцев работал в Приморском райкоме партии, однако связи с Институтом не порывал, готовясь писать диссертацию. Но началась война. Игорь Лекомцев ушел добровольцем на фронт, где и оборвалась жизнь этого замечательного человека, многообещающего научного работника.

С.М. Абрамзон

ОНИ С ЧЕСТЬЮ СПРАВИЛИСЬ СО СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ

Саул Матвеевич Абрамзон,
*доктор исторических наук,
специалист по этнографии
киргизов. Секретарь партийной
организации. После эвакуации
директора Института испол-
нял его обязанности.*

Уже в первые дни войны не ушедшие на фронт сотрудники своими силами переоборудовали институтский подвал под бомбоубежище и упаковали в ящики наиболее ценные коллекции Музея, но 8 сентября 1941 года вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо вражеской блокады и эвакуировать коллекции не удалось. 125 ящиков с музейными вещами были тогда переданы на хранение в кладовые Государственного Эрмитажа, а другие вместе с упакованной библиотекой сложили в своем бомбоубежище. Когда потом в них обнаружилась сырость, пришлось эти несколько сот ящиков перетаскивать в экспозиционные залы Музея. Затем учет направления вражеского артиллерийского огня заставил снова переносить те же ящики в другие, более безопасные места. Чтобы осколки стекол, вылетающие при артобстреле из

окон и шкафов, не повредили экспонаты, оставшиеся неупакованными, шкафы с экспонатами обложили досками, старыми деревянными ящиками и другими предметами, а окна изнутри заставили щитами, сколоченными из досок. Мягкие музейные вещи в часы затишья периодически проветривали во дворе.

Для охраны здания Института этнографии и его Музея были установлены посты дежурств сотрудников. Особенно тяжелыми были дежурства на чердаке, который на случай пожара засыпали песком и покрыли суперфосфатом. Песок, ведра, лопаты и щипцы для обезвреживания зажигательных бомб находились под рукой в разных местах здания. Башня Кунсткамеры в начале блокады служила наблюдательным пунктом и зенитно-пулеметной точкой в системе противовоздуш-

ной обороны города, а позже стала одним из мест дежурства сотрудников.

В 1942 году здание Института по приказу командования фронта было переоборудовано в опорный пункт обороны. Ряд окон заложили кирпичом и мешками с песком. Оставленные в окнах щели должны были на случай уличных боев превратиться в амбразуры.

С лета 1942-го по 1944-й год в Ленинграде продолжали нести вахту 15 сотрудников Института: заведующий Отделом оформления Музея, ставший теперь Уполномоченным Президиума АН СССР, архитектор Р.И. Каплан-Ингель, старший научный сотрудник К.В. Вяткина, младшие научные сотрудники В.В. Антропова, В.В. Федоров, М.Д. Торэн, заведующая канцелярией А.Н. Калдыкина, комендант здания Е.А. Максимова, вахтеры А.Н. Макарова, О.П. Карманова и М.Т. Константинова, рабочие З.И. Каплан, П.Н. Артамонова и Н.В. Андросова, дворники М.В. Евстратова и Е.Е. Егорова. Именно им мы обязаны больше всего спасением здания Петровской Кунсткамеры и сокровищ Музея антропологии и этнографии. Все они, как и воины Ленинградского фронта, были награждены медалью «За оборону Ленинграда», а Р.И. Каплан-Ингель, К.В. Вяткина, В.В. Антропова, Е.А. Максимова и А.Н. Макарова, кроме того, другими орденами и медалями.

Стойкость, мужество и горячий советский патриотизм — вот те черты, которые ярко проявились в коллективе нашего Института в годы Великой Отечественной войны и особенно во время блокады Ленинграда. Разве не проявлением стойкости были бесстрашные ночные дежурства членов унитарной команды МПВО на чердаках и крышах здания Института? То же самое можно сказать о массовом участии сотрудников в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду, о самоотверженном труде научных и технических работников по отбору, упаковке и организации хранения уникальных и особо ценных коллекций нашего Музея.

Проявлением стойкости был замечательный пример творческого труда ученых в тяжелых условиях блокады. Профессор К. Пущкаревич, несмотря на голод и истощение, собрав все свои силы, написал небольшую книгу «Чехи», глубоко веря в грядущее освобождение братского чешского народа от ига гитлеровского фашизма. Рукопись этой книги была переправлена на Большую землю в Свердловск, где тогда находился Президиум АН СССР, и там книга была напечатана.

Старший научный сотрудник, антрополог Г.И. Петров уже во время блокады закончил работу над рукописью на крайне актуальную в то время тему «Расовая теория германского фашизма». К сожалению,

преждевременная смерть автора от голода не позволила реализовать этот патриотический труд.

Младший научный сотрудник, коммунист А.Н. Кондауров в неотопляемой аудитории востфака ЛГУ в конце 1941 года защитил кандидатскую диссертацию. Защита прерывалась артобстрелом.

Старший научный сотрудник, коммунист М.А. Сергеев продолжал подготовку тома «Народы Сибири».

Так же мужественно трудились и обороняли город и доверенные нам музейные коллекции — национальное достояние страны — многие сотрудники. И когда в июле 1942 года основная часть ученых нашего Института была эвакуирована, огромный груз охраны коллекций Музея, библиотеки и всех материальных ценностей приняла на свои плечи небольшая группа сотрудников, ядром которой стали коммунисты К.В. Вяткина, В.В. Антропова, Р.И. Каплан-Ингель. Они с честью справились со своей задачей.

Таковы примеры стойкости советских людей в годы великих испытаний.

М.Д. Торэн

НАУЧНАЯ РАБОТА В ИНСТИТУТЕ НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ

Коллекции были подготовлены к эвакуации. Но вскоре выяснилось, что эвакуировать их невозможно. Наиболее ценные коллекции (125 ящичков) были переданы в Эрмитаж на хранение. Остальные предметы и редкие книги разместили в первом этаже нашего здания под сводами. Описи спрятали в негостраемый шкаф. Выбитые окна закрыли фанерой. Приняли противопожарные меры.

18 октября 1941 года зажигательная бомба попала в башню Кунсткамеры. Пожар был потушен.

Вскоре сотрудники перешли на казарменное положение. После бомбежки каждый из них обходил порученные ему помещения.

Январь 1942 года — голод, холод. Замерз водопровод, вышла из строя канализация. Единственное теплое место — дежурная комната. Здесь жили, на печурке грели завтраки и ужины (обедали в столовой). В период с декабря 1941 года по февраль 1942 года от голода скончались более трети оставшихся в Ленинграде сотрудников. С 11 февраля 1942 года хлебная норма служащим была увеличена с 200 до 400 граммов.

Научная работа в Институте не прерывалась. Работали над трудом «Народы мира».

В солнечные дни выносили на двор вещи, развешивали их и просушивали. Если начинался обстрел, то быстро уносили вещи в подвал.

*Мария Давыдовна Торэн,
научный сотрудник Отдела
Европы, кандидат исторических
наук. В период блокады продол-
жала работать в Институте.
Награждена медалями
«За оборону Ленинграда»,
«За доблестный труд в Великой
Отечественной войне 1941—
1945 гг.», «В память 250-летия
Ленинграда».*

Сушили книги в бухгалтерии. Помню, как мне пришлось промывать заспиртованных монстров — от холода на них появились какие-то кристаллические выделения.

18 января 1943 года я дежурила вместе с В.В. Антроповой. По радио сообщили о прорыве блокады. Радость была огромная. Люди на улицах обнимались и целовались.

Научная деятельность становилась все более активной. При Институте работала научно-исследовательская группа: председателем был Ю.П. Францев, ученым секретарем — К.В. Вяткина. Заседания проходили в дежурной комнате. Обсуждались различные проблемы нашей науки.

В.Е. Краснодембский

ИЗ ПИСЕМ БРАТУ ВРЕМЕН БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

3/IX-41 г.

«...Я с небольшими перерывами был за городом на окопных работах все это время. Здоров.

1 сентября в университете начались занятия, может быть, и я приступлю к преподаванию (вероятно, буду одну неделю преподавать, другую — копать), а может быть пойду на фронт»...

13/XII-41 г.

«...Я живу, как и все ленинградцы, к счастью, у меня есть дрова и у меня тепло и уютно. (Да! На днях получил карточку первой категории, теперь мне стало лучше.)

Работы в университете почти нет. Научную работу я делаю, главным образом, т.е. почти целиком, дома».

8/II-42 г.

«...Мои дела такие: в Академии наук я в отпуске без сохранения содержания, в университете на пол-окладе. Теперь там каникулы. До последнего времени я, слава богу, не болел и держался крепко; сейчас вот в последние дни стала появляться слабость; исхудал очень здорово... Но теперь я подправляюсь!!! А в ближайшее время, я уверен, в Ленинграде наступит улучшение. Одним словом, я не падаю духом».

*Валерий Евгеньевич
Краснодембский, научный
сотрудник Отдела Индии
лингвист, историк, этнограф.
Умер 16 мая 1942 г. от дистрофии в Пензе, куда был
вывезен из блокадного города.*

Письмо В.Е. Краснодембского брату Георгию из Пензы от 2 мая 1942 года

Дорогой Жорж!

Получил твое письмо (уже дней 5 назад). Я, как только получил

твою телеграмму, послал тебе подробное письмо, в котором писал, что понемногу поправляюсь от сильного истощения.

Описывал еще, как мне дважды в неделю посылает передачи одна ленинградская студентка.

Могу добавить, что потратил около 250 руб. гл. обр. на молоко, но я это прекратил — цены невыносимые. Денег у меня 700 р. В университете у меня было всего 1/2 ставки. За болезнь не получу ничего; м.б. за 10 дней дороги с 1/III до болезни. [...]

Пиши о всех новостях, планах. Я устаю писать.

До свидания, дорогой, крепко целую.

Твой Валерий

Письмо Г. Салминой Г.Е. Краснодембскому из Пензы

18 мая 1942 года

Уважаемый Георгий Евгеньевич!

Вы, конечно, уже получили телеграмму о преждевременной кончине Вашего брата Валерия Евгеньевича. В период нахождения Валерия Евгеньевича в пензенской больнице я регулярно навещала его. Никким образом я не предполагала такого трагического исхода его болезни. Главврач все время обещал хотя и очень медленное, но поправление здоровья.

Окончательно погубил Валерия Евгеньевича, очевидно, плеврит туберкулезного характера. Плеврит начался уже в больнице после простуды.

Перед этим же заболеванием Ваш брат начинал оправляться от ленинградских трудностей, от истощения. Уже начинал вставать, ходить. Но в больнице простудили его, начался кашель, очень высокая температура. Затем опять кажущееся выздоровление. И внезапная смерть. Смерть была очень быстрая и легкая. Вашей маме я сегодня отослала телеграмму и подробное письмо. Боюсь, что на нее смерть сына очень тяжело подействует. Сейчас хлопочем насчет похорон. [...]

Уже после смерти Валерия Евгеньевича пришло одно Ваше письмо. И письмо из Саратова от декана филологического факультета. Письмо декана я прочитала, он очень тепло заботится о здоровье Вашего брата, ободряет его и успокаивает насчет будущей жизни и работы.

Страшно жаль, что письмо не пришло несколькими днями раньше. Валерий Евгеньевич так его ждал! М.б. это морально поддержало бы его, придало энергии и силы.

Ужасно обидная смерть. Очевидно, место хорошим людям осталось теперь только на том свете. А на этом гибнут сейчас самые лучшие, молодые, одаренные люди. Проклятье этой страшной смертоносной войне и ее зачинщикам.

Искренне сочувствующая Вам

Галя Салмина

Письмо Г. Салминой Г.Е. Краснодембскому из Пензы

21 мая 1942 г.

Уважаемый Георгий Евгеньевич!

Вчера вечером (в начале 9 ч.) схоронили Валерия Евгеньевича. Хоронили из больницы, но совершенно отдельно, в гробу, в отдельную могилу. Одели его в собственную одежду. Мертвый он выглядел очень хорошо, лицо спокойное, умиротворенное. Провожали его я, мои мать и сестра и старшая медсестра больницы, которая очень хорошо относилась к Валерию Евгеньевичу. Могилу хорошо заметили, так что в случае приедет кто-либо из родных, найти можно. [...]

Уважающая Вас

Г. Салмина

А.Н. Калдыкина

18 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

Александра Николаевна Калдыкина, заведующая канцелярией и отделом кадров Института. В период блокады продолжала работать в Институте. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В тот день, как всегда, около 9 часов утра я пошла в Институт. Погода была тихая и не очень морозная. Вышла на улицу Декабристов и остановилась в нерешительности.

Вдали слышалась сильная пушечная стрельба, без интервалов, страшным шквалом. Земля дрожала от подземного гула и толчков. С какой стороны обстрел, куда безопаснее направиться? Какая-то женщина подошла ко мне и спросила: «Слышите?». — «В том-то и дело, что слышу, — сказала я, — но не пойму, по какому району он будет стрелять». Она улыбнулась: «Ни по какому, это наши стреляют!».

Придя в Институт, я увидела своих товарищей, сосредоточенных, занятых своими делами, но как будто про себя улыбающихся. В этот день особенно усердно работали, зная, что в это время там, вдали, умирают за наше спасение люди. Нам хотелось, в меру наших сил, принять участие в общем деле.

К пяти часам дня стрельба стихла, и только небо над головой говорило нам о том, что идут еще очень страшные бои. Сквозь дым пробивались огненные вспышки, и небо было кроваво-красным. Но люди при встрече улыбались друг другу и глаза их говорили о радостной надежде на будущее.

П.Н. Артамонова

ТРУДНО БЫЛО, НО ВЫЖИЛИ, СОХРАНИЛИ МУЗЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

В Институте я работаю с 1930 года. Правда, в 1934 году я ушла на завод, где меня и застала война. Муж ушел на фронт. Завод эвакуировался. Я стала работать в военном госпитале. Чтобы спасти двухлетнего сына, я отдавала ему свой хлеб. Это скоро сказало — я упала на работе без сознания. Немного оправилась и в марте 1942 года вернулась на прежнюю работу в Институт.

В Кунсткамере окна всюду были выбиты, крыша пробита зажигательными бомбами, изрешечена осколками. Мы сами заделывали окна фанерой, ремонтировали кровлю. Железа и толя не было, и мы латали дыры мешковиной, обмазанной суриком.

Помню, как очищали двор ото льда, складывали лед на санки, запрягались в них по несколько человек и тащили их к Неве. Дрова возили из Новой Деревни таким же образом (там деревянные дома разбирали на дрова).

С середины апреля 1942 года стали ходить трамваи. После работы ездили на Волковское кладбище, собирали лебеду, варили ее и ели. Ели также похлебку из дрожжей. Мне тогда был 31 год, а незнакомые, обращаясь ко мне, называли меня «бабушкой».

О зиме 1941/42 года не могу думать и говорить без волнения и слез.

Трудно было, но выжили, выстояли, сохранили музейные ценности.

*Полина Николаевна
Артамонова, препаратор
Музея. Всю блокаду работала
в Институте. Награждена
медалями «За оборону Ленин-
града», «За доблестный труд
в Великой Отечественной войне
1941—1945 гг.».*

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Годы Великой Отечественной войны и ленинградской блокады — особая глава в жизни библиотеки Института этнографии АН СССР. В 1940 году книжные фонды составляли 37 038 единиц. Примерно половина всех изданий была представлена книгами и журналами на иностранных европейских и восточных языках, а также на языках народов СССР. Библиотека Института как одна из старейших академических библиотек имела хорошо сформированное книжное собрание и была, по словам члена-корреспондента Академии наук Д.К. Зеленина, «единственной в Ленинграде и даже в СССР специальной библиотекой по этнографии и антропологии народов всего мира. Кроме двух названных наук представлены археология, фольклористика, народное искусство, музееведение».¹ Он также указывал, что антропологический фонд представлен в мировом масштабе и является единственным в системе Академии наук вообще.²

Книжная коллекция включала разнообразные виды изданий: монографии, сборники статей, журналы, серии, брошюры, оттиски, альбомы, атласы, карты, а также энциклопедии, словари и справочники. Значительную часть фонда составляли редкие и ценные издания XVII—XIX вв., в том числе с автографами известных ученых и исторических деятелей, с экслибрисами и рукописными пометами.

Все книжное собрание размещалось в двух книгохранилищах, справочная литература была выделена в подсобный фонд и расставлена в читальном зале. Библиотека находилась на третьем этаже левого крыла здания Кунсткамеры в трех комнатах общей площадью 132,83 м².

Незадолго до начала войны начали организовывать новое подразделение библиотеки в кабинете директора Института профессора И.Н. Винникова. Ему была передана часть справочной литературы и издания под грифом Института этнографии в количестве 176 единиц.

Коллектив библиотеки в 1941 году по штатному расписанию состоял из трех человек: заведующего (в штате Института этнографии), старшего библиотекаря и библиотекаря (в штате Библиотеки Академии наук). Заведовал библиотекой с 1926 года крупный ученый, специалист по этнографии славян, автор более двухсот печатных трудов, в том числе известных библиографических указателей, член-корреспондент АН СССР Дмитрий Константинович Зеленин. Все годы вместе с

ним проработала старейшая сотрудница библиотеки Елена Маврикиевна Кубиш. Свою деятельность в Кунсткамере она начала в 1909 году и была специалистом высокой квалификации, знала четыре европейских языка и вела самые сложные участки работы. Третьим сотрудником была Мария Леонидовна Бутник-Сиверская (Каненберг, Грузинская), имевшая шестилетний стаж работы (с 1935 г.). В мае 1941 г. после неоднократных обращений заведующего в БАН СССР с просьбой об увеличении штата в отдел была прикомандирована Нина Павловна Шастина. Планировалось, что ее основной задачей будет усовершенствование и ведение систематического каталога.

Однако с началом Великой Отечественной войны этим планам не суждено было сбыться. Опытный, преданный делу, квалифицированный коллектив библиотеки распался. Д.К. Зеленин, которому в это время исполнилось 63 года, был эвакуирован в Самарканд, где и пробыл до конца войны. Е.М. Кубиш осталась в осажденном Ленинграде и умерла 12 марта 1942 года в возрасте 63 лет. Была уволена с формулировкой «по сокращению объема работы» М.Л. Бутник-Сиверская и о дальнейшей ее судьбе ничего не известно. Библиотека Академии наук назначила с 8 ноября 1941 г. (приказ № 202) исполнять обязанности заведующей библиотекой Н.П. Шастину, но она проработала очень недолго. 7 июля 1942 года она была эвакуирована. Таким образом, в библиотеке не осталось никого из сотрудников, хорошо знавших книжные фонды и специфику работы.

По распоряжению БАН библиотека Института этнографии была законсервирована, и все меры по сохранности книжного фонда осуществляли сотрудники Института. С началом войны дирекция и часть коллектива Института были эвакуированы в Ташкент. Те, кто остался, обеспечивали сохранность исторического здания Кунсткамеры и музейных коллекций, а также готовили наиболее ценные экспонаты к эвакуации. Особенно большую роль в спасении книжного собрания сыграли Уполномоченный Президиума АН СССР по Институту этнографии Р.И. Каплан-Ингель и научные сотрудники М.Д. Торэн и В.В. Антропова. 9 мая 1942 года из БАН в библиотеку ИЭ была направлена на работу Мария Александровна Магнус.

Решено было бо́льшую часть книг оставить в библиотеке, а наиболее ценные и старинные издания упаковать в ящики и опустить в подвалы. В сентябре—октябре 1941 года в бомбоубежища (подвалы № 1 и 3) были помещены 170 ящиков с музейными экспонатами и 52 ящика с книгами и вещами. Предполагалась эвакуация коллекционных ценностей, в том числе и книг. В сентябре 1942 года для ускоре-

ния погрузки ящики были подняты из подвалов и перенесены в первый этаж (залы Азии, Америки, Африки), поближе к выходам. Но эвакуация все откладывалась, и ящики оставались на первом этаже до марта 1943 года.³ Сохранились «Списки ящиков с коллекциями и имуществом Института этнографии АН СССР», составленные от руки. В дальнейшем они дополнялись и были отпечатаны на машинке. В разделе «Библиотека» указано: «Материалы — книги» и номера ящиков: 141—165, 336, 343—353. Таким образом, всего было запаковано 35 ящиков с книгами. Отвечала за их сохранность сотрудница Отдела Сибири В.В. Антропова.⁴

В результате бомбежек и артобстрелов к середине 1942 года значительная часть стекол в здании института была заменена фанерой. В библиотеке, в частности, были выбиты стекла во всех восьми окнах. Из-за повреждений водопроводной сети не было воды, канализация не работала. Крыша над левым крылом здания по фасаду была разворочена снарядами.⁵ Документов 1941—1942 годов, касающихся положения дел в библиотеке, пока не удалось найти. Но за 1943 год обнаружено много актов, служебных записок и других материалов, характеризующих заботу о библиотечных фондах со стороны Уполномоченного по Институту Р.И. Каплан-Ингеля и руководства БАН СССР. Так, для сохранности коллекций и особо ценных книг был разработан «дислокационный план размещения ящиков в первом этаже». В Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук хранятся большие развернутые листы, где фиолетовыми и красными чернилами детально изображено расположение залов и витрин с пронумерованным обозначением местонахождения каждого ящика.⁶ Было учтено, что залы имели толстые своды, поэтому ящики ставили в простенках между окнами в два-три яруса. И действительно, такое удачное расположение спасло ящики от ударов взрывной волны и летящих осколков.⁷

Ответственными лицами регулярно проводились обследования всех помещений. Так, 9 января 1943 года был составлен акт об осмотре мест хранения библиотечных книг. В нем указывалось, что на основании распоряжения ЛАХУ библиотека была законсервирована. Весь фонд оставался в помещениях, где и ранее располагалась библиотека. Книги, находившиеся в кабинетах во временном пользовании, были возвращены в книгохранилища. Особо ценные издания, выделенные ранее для особого хранения в бомбоубежищах, расставлены в шкафах на первом этаже. На книги, приготовленные в 1941 году к эвакуации и упакованные в ящики для отправки эшелонам Академии наук, составлены списки в трех экземплярах. Русский и иностранный алфавитный каталог и

каталог периодики хранились в каталожном шкафу комнаты № 1 (помещения библиотеки), систематический каталог — в ящиках, упакованных в газеты. Абонемент библиотеки, включая индивидуальный, с формулярами читателей, эвакуированных и умерших в 1941—1942 годах, и коллективный абонемент (книги, взятые сотрудниками других институтов Академии наук) хранились в особом ящике в комнате № 1. Инвентарные книги в количестве 16 штук хранились в шкафу. Отчеты, переписка и прочая документация сохранялись в папках.⁸ Как видно из этого документа, подписанного сотрудниками Института этнографии Р.И. Каплан-Ингелем, М.Д. Торэн, В.В. Антроповой и старшим библиотекарем БАН М.А. Магнус, несмотря на тяжелейшие условия военного времени, порядок в библиотеке тщательно соблюдался.

А через три дня, 12 января, уже другие лица — научный сотрудник Института истории материальной культуры В.А. Петров, Уполномоченный по Архиву АН СССР И.С. Лосева вместе с Уполномоченным по Институту этнографии Р.И. Каплан-Ингелем — вновь обследовали помещения библиотеки в связи с разрушениями. Они зафиксировали, что во время артобстрела была пробита крыша над вторым книгохранилищем, выходящим окнами во двор. После ремонта течь устранили, потолок просох и не осыпался. В помещении температура была 10°C, воздух сухой. Все окна забиты фанерой, однако в дневные часы сотрудники работают. Нигде плесневения книг или переплетов не обнаружено.⁹

Через месяц, 15 февраля 1943 года научным сотрудником Института М.Д. Торэн и старшим библиотекарем БАН М.А. Магнус снова была осмотрена библиотека после артобстрела. Было заактировано, что входные двери распатаны, первая дверь на лестницу не закрывается ключом. Стекла и фанера во всех трех комнатах выбиты.¹⁰

В акте от 24 июля 1943 года зафиксирован осмотр подвала и признана его непригодность для хранения уникальных книг. Дело в том, что подвал имел два окна с форточками, прикрытыми щитами, и внутри было темно. Помещение не отапливалось, отмечалась большая сырость вследствие высокого стояния грунтовых вод. Рекомендовалось перенести книги в сухое, проветриваемое помещение. Предварительно необходимо было их просушить, для чего предлагалось разложить книги в помещениях бухгалтерии и секретариата на столах и устроить сквозняки.¹¹ Согласно акту от 4 августа 1943 года указанные меры по спасению книг были приняты, после чего решено было расставить особо ценные издания в шкафах круглого зала на первом этаже, закрыть на ключ и опечатать.¹² На эти издания был составлен список из 1905

библиотечных единиц.¹³ Эту и многие другие работы, связанные с сохранением книжных коллекций, выполняла М.Д. Торэн, хорошо знавшая библиотеку, так как до войны в течение многих лет она вела роспись статей для каталога по договорам.

Все повреждения и неисправности сразу устранялись, само здание и коллекции, в том числе и книжные, заботливо сохранялись. Летом 1943 года здание Кунсткамеры было приведено в порядок: восстановлена канализация, пожарный водопровод и часть хозяйственного с двумя сануздами, вода из подвалов была откачана, крыша починена, восстановлены стропила, обрешетка и железная кровля, пробойны заделаны, починены двери и замки во всем здании.¹⁴ Для несения вахты внутри Музея были созданы бригады дежурных из трех человек. Круглосуточное наружное наблюдение обеспечивалось военизированной охраной НКВД. Вход в Музей был возможен только по специальным пропускам. На каждом этаже и в каждом кабинете держали ящики с песком, лопаты.

Уже с середины 1943 года библиотека вновь начала функционировать. Были проверены задолженности по книгам, взятым сотрудниками Института из фондов БАН по Межбиблиотечному абонементу, сверены личные формуляры погибших на фронте товарищей, составлены списки числящихся за ними книг. Эти издания по распоряжению БАН были списаны и исключены из инвентарей.¹⁵ Часть эвакуированных сотрудников Института просили выслать почтой в Ташкент книги, необходимые им для научной работы. Для этого предварительно испрашивали разрешения БАН.¹⁶

Количество читателей в 1944 году составляло 35 человек, было выдано 478 единиц литературы. В 1945 году читателей стало 69 человек, а книговыдача возросла до 1840 единиц.¹⁷ Начали устраивать выставки новых поступлений, а с 1945 года — и тематические выставки. Сейчас кажется удивительным, что уже с 1943 года БАН получала всю печатную продукцию в трех экземплярах из военного издательства Ленинградского фронта и десяти типографий города. Также пополнялись и фонды библиотеки Института этнографии. Кроме того, книги закупались в коллекторе научных библиотек Ленинграда, в магазинах «Академкнига», в киосках «Союзпечати».

Уже в 1943 году с некоторыми ограничениями была проведена подписка на журналы. На 1944 и 1945 годы подписка проводилась без ограничений. После снятия Ленинградской блокады фонды библиотеки Института стали медленно пополняться. Если к 1941 году общее количество литературы составляло 40 647 единиц и если три года при-

роста не происходило, то в 1944 году фонд увеличился до 40 874 единиц, а в 1945 году достиг 42 511 единиц.

Таким образом, благодаря самоотверженной работе по спасению музейных и книжных коллекций сотрудникам Института этнографии АН СССР, оставшимся в осажденном Ленинграде, удалось полностью сохранить фонды библиотеки. Это дало возможность уже с середины 1943 года организовать обслуживание читателей и возобновить другие библиотечные работы.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф.849, оп.2, д.172, л.10.

² Там же, л.11.

³ Там же, ф.142, оп.1 — 1943, д.23, л.22.

⁴ Там же, л.2, 11.

⁵ Там же, д.20, л.82.

⁶ Там же, д.23, л.30—31.

⁷ Там же, л.22.

⁸ Там же, д.20, л.4.

⁹ Там же, л.5.

¹⁰ Там же, л.21.

¹¹ Там же, л.62.

¹² Там же, л.71.

¹³ Там же, д.23, л.23—28.

¹⁴ Там же, д.20, л.83—84.

¹⁵ Там же, л.98.

¹⁶ Там же, л.102.

¹⁷ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.;Л.: «Наука», 1964. С.443.

Т.В. Станюкович

МУЗЕЙНЫЕ РАБОТНИКИ В ГОДЫ БЛОКАДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ЛО ИЭ И АН СССР)

Татьяна Владимировна Станюкович, лауреат Государственной премии. Историограф Музея, доктор исторических наук, собравшая интересные архивные материалы о наших ветеранах.

...К весне 1942 года в Ленинграде оставалась лишь небольшая группа в составе Р.И. Каплан-Ингеля — Уполномоченного Президиума АН СССР по охране Музея, старшего научного сотрудника К.В. Вяткиной, младших научных сотрудников В.В. Антроповой, М.Д. Торэн, В.В. Федорова, заведующей канцелярией А.Н. Калдыкиной, рабочих Е.А. Максимовой, А.Н. Макаровой, О.П. Кармановой, М.Г. Константиновой, З.И. Каплан, П.А. Артамоновой, Н.В. Андросовой, М.В. Евстратовой, Е.Е. Егоровой. Им принадлежит большая заслуга спасения коллекций Музея антропологии и этнографии в годы Великой Отечественной войны...

Одной из активнейших фигур не только МАЭ, но и Академии наук в годы блокады была **Капитолина Васильевна Вяткина** (1892—1973). Приведем характеристику, данную ей в 1943 году: «В период Отечественной войны выполняла и выполняет обязанности зав. отделом Восточной и Южной Азии, одновременно с большой

аккуратностью и умением ведет работу по охране и консервации коллекций указанных отделов, а также антропологических коллекций. В 1943 году участвовала в строительстве оборонных сооружений на подступах к Ленинграду (станции Пудость, Рыбацкое, Ручьи). В 1943 году усердно и добросовестно выполняла работы по ликвидации антисанитарии города, очистке площадок от разобранных зданий и др. С самого начала войны состоит бойцом санитарной команды МПВО, сначала

начальником санзвена, а затем ответственным дежурным. Дежурство несла весьма добросовестно, самоотверженно участвуя в ликвидации последствий аварий. Наряду с охраной музейных ценностей т. Вяткина работает над докторской диссертацией “Наскальные изображения Саяно-Алтайского нагорья (из истории древних насельников Хакасской автономной области)”, состоит ученым секретарем группы историков при АН с августа 1942 года, является председателем объединенного месткома Ленинградских учреждений Академии наук...»¹

Работа Капитолины Васильевны Вяткиной в годы Великой Отечественной войны неоднократно отмечалась благодарностями и премиями, медалью «За оборону Ленинграда», а после войны Указом Президиума Верховного Совета СССР она была награждена орденом «Знак Почета».

Научные интересы К.В. Вяткиной были очень широки. Кочуя в детстве вместе с отцом по Монголии, она овладела монгольским языком, познакомилась с бытом различных племен... В середине 20-х годов была приглашена академиком С.Ф. Ольденбургом в Комиссию по изучению племенного состава СССР (КИПС), слившуюся в 1933 году с МАЭ. Благодаря многочисленным экспедициям в различные районы страны она еще в довоенные годы считалась крупным специалистом в области этнографии и археологии не только Южной и Восточной Азии, но и Сибири, северных районов европейской части СССР.

К.В. Вяткина — автор монографий по народам Монголии и бурятам, а также многих научных статей. До конца своей жизни она продолжала вести активную научно-исследовательскую и музейную работу.

Мария Давыдовна Торэн (1894—1974), работая делопроизводителем, окончила в 1924 году восточный факультет Университета,² а затем Этнографическое отделение Ленинградского географического института и всю жизнь (с 1929 года) проработала в Музее антропологии и этнографии. Научная и музейная деятельность ее была очень разнообразна. Принятая в Отдел Европы и Кавказа, коллекции которого в до-революционное время служили главным образом обменным фондом для приобретения зарубежных собраний (по колониальным и зависимым странам), она определила и описала большое число экспонатов, не имевших документации, а также составила картотеки по этническому и географическому принципу, которые и по сей день не утратили своего научного значения. Одновременно она вела экспедиционную и научно-собираТЕЛЬСкую деятельность на Кавказе, у немцев Поволжья, у русских, эстонцев и финнов Ленинградской области. Коллекции, собранные ею, хранятся как в МАЭ, так и в Государственном музее

этнографии народов СССР. Хорошее знание иностранных языков привлекало к М.Д. Торэн сотрудников библиотеки Института, которым она помогала в составлении картотек и аннотировании работ на арабском и немецком языках...

В годы Великой Отечественной войны под ее наблюдением находились коллекции ряда отделов и библиотека. Характеристика, данная ей в 1943 году, отражая отчасти круг ее обязанностей, гласит, что М.Д. Торэн «с начала войны бесценно состояла в бригаде МПВО и несла аккуратно все дежурства и выполняла все мероприятия, связанные с подготовкой отдела к противовоздушной защите. В 1941 году принимала участие в строительстве оборонных сооружений в пределах города. В 1942—1943 гг. работала по очистке города от снега, нечистот и мусора. Весьма старательно работала по отбору, упаковке уникальных и особо ценных коллекций и книг. Добросовестно выполняла обязанности по сохранению музейных экспонатов Отделов Европы, Кавказа, Африки, Австралии и Океании с Галереей Миклухо-Маклая и библиотечных книг. Привела в должный порядок Отдел учета и хранения. Несмотря на весьма слабое здоровье принимала активное участие в ликвидации последствий аварий в результате авиабомбежек и артобстрелов».³ Упоминание в характеристике того факта, что Мария Дмитриевна отличалась «весьма слабым здоровьем», не случайно. Не только работавшие с ней в дни блокады коллеги, но и молодежь, принятая в сектор уже после войны, неизменно удивлялись, как эта хрупкая, чрезвычайно болезненная, близорукая женщина, напоминавшая фигурой девочку-подростка, смогла пережить блокаду.

Особое место в творческой деятельности Марии Давыдовны занимало изучение народной медицины, которое она успешно продолжила и в послевоенные годы. Ее монография «Русская народная медицина XIX—начала XX веков», вышедшая посмертно в 1982 году, была высоко оценена как этнографами, так и фармакологами.

В Архиве Института этнографии, в деле М.Д. Торэн, имеется много приказов о благодарностях, вынесенных ей в годы блокады,⁴ и сведения о правительственных наградах — медалях «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁵...

Валентина Васильевна Антропова (1909—1976) во время блокады отвечала за сохранность коллекций отделов Сибири, Средней Азии, архивных материалов МАЭ.⁶

Окончив в 1931 году Ленинградский историко-лингвистический институт, она была принята сначала практиканткой, а затем зачислена в

основной штат МАЭ на должность научно-технического сотрудника в Отдел Сибири... В 1934 году переведена на должность научного сотрудника II разряда...

В период блокады работа по профилактике сибирских коллекций представляла большую сложность: многочисленные экспонаты из меха и сукна требовали постоянного внимания, ибо могли погибнуть не только от бомбежки, пожара, но и от сырости и моли. Поэтому в теплые летние дни ящики, в которых хранились эти экспонаты, открывались, и В.В. Антропова, сопровождаемая музейными сотрудниками, неустанно — как она выражалась — «шаманила» над ними. Разумеется, профилактическая работа не освобождала ее от обязанностей по строительству оборонительных сооружений, дежурств при артобстрелах и многого другого...

В.В. Антропова многократно премировалась, была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом «Знак Почета» (1954 г.).

Василий Васильевич Федоров (1892—1976). Археологическое образование получил в Пермском государственном университете, работал в Минералогическом кабинете Томского университета под руководством А.А. Полканова. После трехлетней добровольной службы в Красной Армии поступил в Ленинградский географический институт, по окончании которого в 1925 году был принят в качестве научно-технического сотрудника в Отдел археологии МАЭ... Отличавшийся большим практическим опытом и трудолюбием В.В. Федоров к 1940 году зарегистрировал 220 археологических коллекций, насчитывающих свыше 45 тысяч предметов, 25 тысяч муляжей и 11 тысяч негативов.⁷ В эти годы он участвовал в археологических экспедициях, материалы которых сам обрабатывал, в создании пяти временных археологических выставок... Кроме того он подготовил постоянную экспозицию Отдела археологии по эпохе неолита. Естественно, в период Великой Отечественной войны ему была поручена «охрана и наблюдение за ценностями и обслуживание фондов Отдела археологии».

Характеристика, выданная В.В. Федорову в 1943 году, гласит: «Младший научный сотрудник Отдела археологии Института этнографии В.В. Федоров с начала войны состоял в бригаде МПВО в качестве начальника команды и инструктора. Аккуратно нес все дежурства. Состоял на казарменном положении и участвовал в подготовке объекта к противовоздушной обороне. Федоров работал по ликвидации последствий многочисленных аварий от артобстрелов и бомбежек. Самоотвержен-

но участвовал в тушении пожаров, возникавших от зажигательных бомб на крыше здания, башни и помещения фондов. Работал по свертыванию экспозиций и упаковке коллекций Отдела археологии; принимал непосредственное участие в выполнении работ предупредительного, ремонтного и оборонного характера. Не жалея сил, вручную отыскивал и перевозил необходимые для этих работ материалы. В 1941 году несколько раз в качестве бригадира направлялся на оборонные работы в пригороды Ленинграда, принимал участие в очистке города... На протяжении всей блокады с большой тщательностью оберегал археологические коллекции и помогал работникам отдела Главных фондов Музея, где были сосредоточены уникальные музейные ценности».⁸ Был награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За оборону Ленинграда».⁹

Александра Николаевна Калдыкина (1899—1987). В системе Академии наук работала с 1925 по 1972 год — сначала в комиссии «Наука в России» над составлением справочников по научным учреждениям и специалистам в области этнографии,¹⁰ затем в КИПС, в Институте по изучению народов СССР (ИПИН), слившемся впоследствии с МАЭ (1933) и получившем название Института этнографии АН СССР.

Не имея специального образования, А.Н. Калдыкина была научно-техническим сотрудником, а с 1941 года заведовала канцелярией, а также отделом кадров Института. Во время войны на нее кроме того был возложен ряд обязанностей: она была машинисткой, счетоводом, бухгалтером, распределяла выдачу продуктовых и промтоварных карточек, вела общую отчетность по Институту. Как и все, она несла дежурства во время бомбежек, была ответственной за состояние водопровода, участвовала в авральных работах, помогала перемещению коллекций.

Помимо медалей «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» она была награждена премией и благодарностью Президиума АН СССР «За отличную добросовестную работу».¹¹

Документами, свидетельствующими о многочисленных премиях и благодарностях, полученных Александрой Николаевной по линии Института этнографии, заполнено все ее личное дело. В приказе по поводу пятидесятилетия ее работы в Академии наук говорится: «А.Н. Калдыкина хорошо известна сотрудникам Института как скромный труженик, хороший доброжелательный товарищ. В течение многих лет

честно и исключительно добросовестно работала в должности заведующей личным составом и канцелярией Института... Жизнь и деятельность А.Н. Калдыкиной в нашем коллективе — хороший образец безупречной работы и преданности коллективу и учреждению».¹² Неизменно находясь в канцелярии за своим столом, часто украшенным букетом, она встречала каждого входящего — вне зависимости от его ранга и возраста — приветливо как гостеприимная хозяйка. Посетитель ей деловито направляла по нужному адресу: в дирекцию, в отдел, в библиотеку, в фонды. Исключительная доброжелательность, тактичность и умение слушать собеседника снискали ей всеобщее доверие и уважение. Недаром многие называли ее «душой института».

Роберт Исаакович Каплан-Ингель (1884—1951) по образованию архитектор. Поступил на работу в МАЭ заведующим Отделом художественного оформления в июле 1940 года. По его проекту были сделаны шкафы, стенды, подиумы, другая музейная мебель в едином стиле, где и была размещена экспозиция Отдела археологии. С наступлением войны, а затем и блокады он был назначен сначала заведующим специальным хранилищем коллекций МАЭ, затем помощником директора по хозяйственной части Института, начальником объекта и Уполномоченным Института. Под его руководством и работала на протяжении всей блокады группа научных и технических сотрудников. Именно он распределял сотрудников на дежурства, отправлял на лесо- и торфоразработки, очистку территории, прилегающей к Музею. Как специалиста-архитектора его привлекали к возведению оборонных сооружений и на подступах к Ленинграду (Гатчина), и в самом Ленинграде, а также для ликвидации повреждений академических зданий и для необходимых восстановительных работ.

Он был награжден медалью «За оборону Ленинграда» и орденом Трудового Красного Знамени. В 1944 году его включили в качестве эксперта в комиссию по определению убытков, причиненных немецкими захватчиками учреждениям АН СССР. Реставрация и восстановление здания Кунсткамеры производились по его проекту и под его непосредственным наблюдением, причем одновременно достраивалась верхняя часть башни Кунсткамеры, в которой до пожара 1747 года располагалась обсерватория Академии наук. К началу 1947 года архитектурные и отделочные работы были окончены, и по распоряжению Президента Академии наук СССР С.И. Вавилова в Круглом зале третьего этажа Института и башне должна была быть развернута экспозиция, посвященная М.В. Ломоносову. Первым заведующим Музеем М.В. Ломоносова был назначен Р.И. Каплан-Ингель, предпринявший

активную деятельность по сбору материалов для восстановления бытовой обстановки, библиографии, инструментария и других экспонатов, характеризующих разносторонние научные, литературные и практические интересы ученого-энциклопедиста. После открытия Музея (4 января 1949 года) Р.И. Каплан-Ингель был награжден почетной грамотой Академии наук.

Медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» были награждены и все технические сотрудники Института. Однако биографических сведений о них в Архиве не сохранилось. Известно лишь, что они все в первое послевоенное десятилетие, вплоть до выхода на пенсию, продолжали работать в Институте: Е.А. Максимова — в должности коменданта, З.И. Каплан — в хозчасти, А.Н. Макарова, О.П. Карманова и П.Н. Артамонова — вахтерами, остальные смотрителями залов музея (Н.В. Андросова) и дворниками.

Героическая работа группы сотрудников Ленинградской части Института этнографии АН СССР по охране и спасению коллекций Музея антропологии и этнографии навсегда останется одним из ярких примеров стойкости ленинградцев в годы Великой Отечественной войны.

¹ Архив Ленинградского отделения Института этнографии (ЛО ИЭ). Индекс 350, № 3, л.122.

² Там же, № 15, л.7.

³ Там же, л.28.

⁴ Там же, л.21, 23, 25, 28 и др.

⁵ *Кольцов А.В.* Ученые Ленинграда в дни блокады. М.; Л., 1962. С.131.

⁶ Архив ЛО ИЭ. Индекс 350, № 41, л.15.

⁷ Там же, № 15, л.83—85.

⁸ Там же, л.30.

⁹ Там же, л.159 и об.

¹⁰ Справочник «Наука в России». Пг., 1923. Т.II; справочник «Краеведные учреждения России». Л., 1925.

¹¹ Архив ЛО ИЭ. Индекс 350. № 35, л.197.

¹² Там же, л.246.

Луна
Скользит по небу одиноко,
Как по щеке
Холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш, —
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью
смерть
поправ».

Юрий Воронов. *Блокада. Книга стихов.*
[Лениздат, 1986]

Так выглядело здание Кунсткамеры в годы блокады.

Ящики, подготовленные сотрудниками Института для эвакуации, так и остались в осажденном городе...

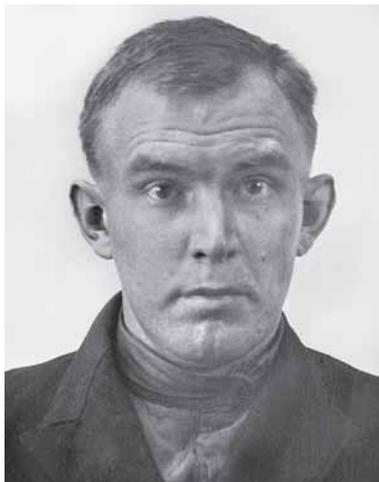

В залах Кунсткамеры: Дальний Восток (вверху), Китай (внизу).

Надежда Петровна Дырленкова. Старший научный сотрудник Отдела Сибири, кандидат филологических наук. Умерла во время блокады.

Евгений Владимирович Жиров. Научный сотрудник Отдела антропологии. Умер во время блокады.

Александр Николаевич Кондауров. Научный сотрудник Отдела Средней Азии, кандидат исторических наук. Умер во время блокады.

Елена Маврикиевна Кубиш. Сотрудница библиотеки Института. Умерла во время блокады.

*Алексей Викторович
Мачинский.*
Научный сотрудник Отдела
Америки. Погиб в начале войны.

*Георгий Николаевич
Прокофьев.* Научный сотрудник
Отдела Сибири, кандидат
исторических наук, этнограф
и лингвист, специалист
по селькупскому языку.
Умер во время блокады.

*Андрей Никифорович
Юзефович.* Научный сотрудник
Отдела антропологии,
кандидат исторических наук.
Умер во время блокады.

*Сарра Аркадьевна Штерн-
берг.* Старший научный со-
трудник Отдела Америки.
Умерла во время блокады.

*Сотрудницы, работавшие на заготовке дров в 1943—1944 годах
от Института этнографии.
Слева направо: Х.А. Штейн, Т.Л. Юзепчук, М.М. Пасинковская.*

*Двор Кунсткамеры, где в сухие солнечные дни
пробетривались экспонаты, чтобы в них
не забелась моль.*

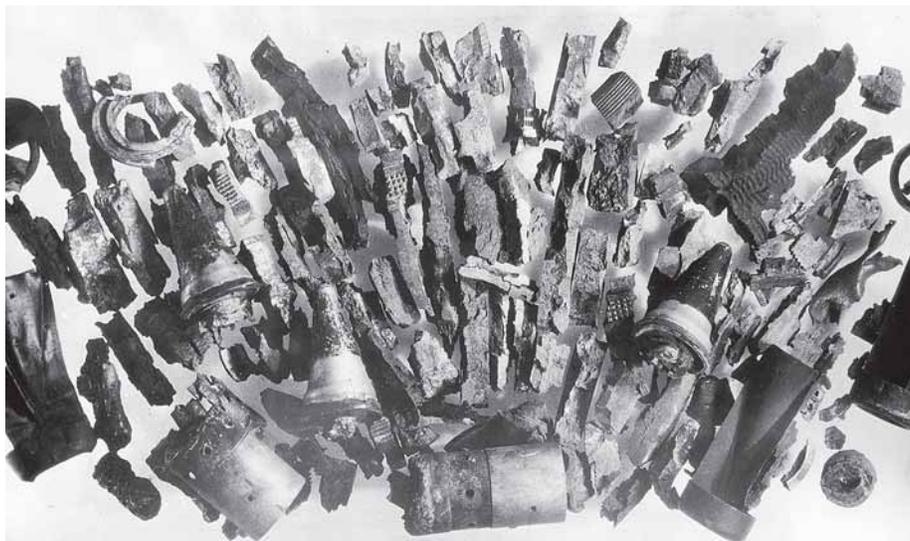
Заведующий Сектором Сибири А.А. Попов ремонтирует крышу.

*Размуровывание окон в подвалах Музея после снятия блокады.
Слева направо: Е.А. Максимова, З.И. Каплан, Д.А. Ольдерогге,
И.И. Ястребова, Г.М. Василевич.*

Том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона,
«пострадавший» от осколка вражеского снаряда.

*Осколки зажигательных бомб и снарядов,
собранные на территории Кунсткамеры
после снятия блокады Ленинграда.*

Роберт Исаакович Каплан-Ингель. Архитектор, заведующий Отделом оформления, затем был директором Музея М.В. Ломоносова. Во время блокады — Уполномоченный от Президиума АН СССР по Институту этнографии. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

*Коллектив сотрудников, охранявших коллекции Музея.
Слева направо, нижний ряд: Е.А. Максимова, Р.И. Каплан-Ингель,
М.Д. Торэн, М.И. Евстратова;
верхний ряд: В.В. Антропова, З.И. Каплан, А.Н. Калдыкина, И.И. Ястребова.*

Капитолина Васильевна Вяткина.
Старший научный сотрудник Отдела
Дальнего Востока, кандидат истори-
ческих наук. Всю блокаду работала
в Институте. Награждена орденом
«Знак Почета», медалями «За оборону
Ленинграда», «За доблестный труд
в Великой Отечественной войне
1941—1945 гг.», «В память
250-летия Ленинграда».

*Распаковка коллекционных предметов.
Слева направо: В.Г. Кузнецова, А.А. Попов, Г.М. Василевич.*

*Евдокия Андреевна Максимова.
Комендант здания Кунсткамеры.
Всю блокаду проработала в Институте.
Награждена медалями «За оборону
Ленинграда», «За доблестный труд
в Великой Отечественной войне 1941—
1945 гг.».*

*За распаковкой коллекцион-
ных предметов В.Б. Аста-
новская (слева) и М.В. Сте-
панова (справа).*